

АЛЕКСАНДР ЯЦЕВИЧ

ШУМИТ

ТАЙГА

ИЗДАНИЕ КНИЖНОГО МАГАЗИНА АЛЕКСАНДР СЕВЕРИНГ

1955 ♦ РИО ДЕ ЖАНЕЙРО ♦ БРАЗИЛИЯ ♦ 1955

ВСЕ ПРАВА, В ТОМ ЧИСЛЕ И ПРАВО ПЕРЕВОДА
НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЗАКРЕПЛЕНЫ ЗА
КНИЖНЫМ МАГАЗИНОМ АЛЕКСАНДР СЕВЕРИНГ

*RESERVAM-SE TODOS OS DIREITOS
DE LIVRARIA ALEXANDER SEVERING*

*ALL RIGHTS RESERVED BY THE PUBLISHING
HOUSE BOOKS-SHOP ALEXANDER SEVERING*

АЛЕКСАНДР ЯЦЕВИЧ

ШУМИТ ТАЙГА

П О В Е С Т Ъ

СМ

ИЗДАНИЕ КНИЖНОГО МАГАЗИНА АЛЕКСАНДР СЕВЕРИНГ

1955 ♦ РИО ДЕ ЖАНЕЙРО ♦ БРАЗИЛИЯ ♦ 1955

АЛЕКСАНДР ЯЦЕВИЧ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В тридцатых годах тысяча девятисотого года, мне пришлось прожить довольно долго в якутской тайге. Мало о ней кто знает из широкой массы народа, не только за границей, но и в самом Советском Союзе.

А вместе с тем и там жизнь идет напряженными темпами. Наблюдая за происходящими там событиями, встречаясь с отдельными лицами, мне пришлось увидеть много интересного, что я и постарался записать, как отдельные эпизоды. Один из этих эпизодов я и решил напечатать в этой книге «Шумит тайга». Не спит она. Этот рассказ и большинство выведенных в нем людей — НЕ ВЫДУМАНЫ, они взяты из жизни.

В дальнейших своих рассказах, которые я намерен постепенно печатать, я хочу ознакомить широкую массу людей об условиях жизни в далекой Якутии, где когда-то жизнь текла привольно—среди необъятных просторов вековой тайги. С некоторыми, из выведенных в настоящем рассказе людей, читатели встретятся и в дальнейших моих очерках — рассказах.

Быть может, кое-кому из читателей не понравится выбранный мною стиль письма, несколько смахивающий на «приключенческий характер», но мне кажется, что современный читатель с большим удовольствием прочтет произведение тяжелое по содержанию, но написанное в популярном изложении.

Если, прочтя эту книгу, читатель одобрит ее, я буду вполне удовлетворен. Тяжелая правда, хотя и написанная в легком духе, дошла, значит, до читателя.

А В Т О Р.

І. П О Б Е Г

ДЛИННОЙ, бесконечной лентой тянется серая толпа спецпереселенцев по Амуро-Якутской магистрали. Далеко позади идет несколько подвод, груженные скудным скарбом спецпереселенцев. При себе они имеют небольшие котомки с самым необходимым.

По слухам, гонят их в лагерь «Бушуйка»— это всего 35 километров от железной дороги.

И спереди, и сзади, частой цепью по бокам, их окружает строгая охрана. Жара невыносимая, на дворе июль. Хотя прошли всего километров десять, но людская цепь все больше растягивается: ведь многие идут с малыми детьми. Заедает таежная мошкара, тучами облепляющая лицо, шею, руки.

Душно. Ни малейшего ветерка.

Дорога узкая. Идут по шестеро в ряд. Направо — отвесные скалы, налево—обрыв, метров на 50, покрытый деревьями и густыми кустарниками, а дальше бескрайняя тайга.

Бесперерывно раздаются грубые окрики охраны: «Подтянитесь! Живей шагай!» Изредка слышатся глухие удары прикладом в спину отстающих.

Корней Колосов, при каждом таком ударе, сурово вскидывает глаза, острой сталью буравя охранников.

Он идет без семьи, один. Ни на минуту его не оставляет мысль: «За что? За что разрушена моя жизнь?!»...

Пришел он в восемнадцатом году с фронта домой. Старики жили одни. Двух старших сыновей убили на войне. Небольшое, но крепкое до войны хозяйство—запущено, не хватает рабочих рук. Корней принялся за работу, засучив рукава. А на Красной горке—женился Корней, и добавилась хорошая работница в дом. Приободрились старики, хозяйство стало налаживаться. От всех мобилизаций — красных и белых, Корнею удавалось откручиваться. То спрячется, то откупится, а все держится дома...

Но вот, отгремели все фронты, и появилась новая, непонятная советская власть. Зажала крестьян так, что ни охнуть, ни вздохнуть. Все забирает подчистую: и хлеб, и скотину, и птицу — и у богатого, и у бедного. Ни в деревне, ни в городе ничего нигде не купишь. Только крепкая любовь к земле заставляла держаться ее, хоть и приходилось, отдав все по разверсткам, самим жить впроголодь.

Наступил НЭП, стало легче, и хозяйство Корнея скоро оправилось. Хоть и не велико оно у него, да все свое есть. Пара лошадей, корова, пара свиней, птица. За домом садик, в нем восемь рамочных ульев. Корней даже грамоту получил за свое хозяйство: признали образцовым. Жить бы да Бога хвалить. Одного только не хватало Корнею. Ему страстно хотелось иметь сына, но год проходил за годом, а детей все не было.

Благополучие продолжалось недолго. Началась, так называемая, добровольная коллективизация. Зовут всех в колхоз, а для этого надо бесплатно сдать туда все, что у тебя есть из сельско - хозяйственного инвентаря,—лошадей и корову.

Заправляла этим делом, под руководством коммунистов, деревенская голытьба, — не те из

бедняков, которые стараются трудом выбиться в люди, а лентяи, пьяницы. Они охотно шли в колхоз на готовенькое, что сдадут в колхоз настоящие крепкие хозяева. Кто же имел хоть маленькое хозяйство, те в колхоз не шли. Не пошел и Корней.

Его отец тяжело переживал ломку села. Он не мог понять появившуюся ненависть одних к другим, доносы, ложь. Стал он задумываться... дальше-больше, пока, наконец, сошел с ума. Отвез Корней отца в больницу, а через две недели его уведомили, что больной в припадке безумия, перебросился через перила лестницы второго этажа и убится.

Начали в деревне преследовать нежелающих идти в колхоз. Обложили их непосильными налогами. Запретили продавать им что-либо из магазинов. Корней истратил все свои сбережения, покупая продукты для сдачи по налогу, и все же не мог выполнить заданий. Его обвинили в злостном нежелании выполнять задания государства. Все имущество отобрали, а всю семью — на высылку.

Старуха мать и без того прихварывала, а как выгнали их из собственной избы, да отобрали все, что нажито было потом и кровью — совсем расхворалась и, не дождавшись высылки, умерла.

Остался Корней с женой, беременной на седьмом месяце. Как он ждал ребенка, а теперь радость обернулась горем. Что ждет впереди?

Замкнулся Корней в себе, суровее стал его взгляд. Пока подбирался этап, выселили их в выморочную избу. Ничего не разрешили с собой взять из своего добра. Еле выпросил себе скамейку и две подушки. Спасибо родным же-

ны, которые тайком давали кое-что из продуктов, а то пришлось бы помирать с голода.

Пройдет Корней по селу, все односельчане боязливо отворачиваются от него. Только в поле или на леваде, где не видно никого, эти же люди осторожно подходили к нему, сочувствовали и ругали советскую власть.

Раз вызвали Корнея в сельсовет и объявили, что этап из их села идет сегодня ночью. Пригнали их на станцию и поместили в тупике за загородку. Стоял уже сформированный эшелон из 50-ти товарных вагонов. Выселяемых — приняла по списку эшелонная охрана.

Просидели они на земле часов пять, потом начась погрузка. В один вагон с Корнеем попала только одна семья из их села, а то все чужие.

В вагоне был какой-то еще молодой человек — по виду цыган. Он был единственным, кто сохранил еще веселость.

«С новосельем, граждане! Не горюйте, едем ведь не к капиталистам, а в свою пролетарскую Сибирь. Там, поди, много наших земляков. Вот и едем, значит, вроде как в гости! Будем знакомы, зовут меня Гришкой!»

С широкой улыбкой на лице, он снял фуражку и сделал общий поклон, высматривая, где бы ему устроиться, и обратился к Корнею:

«Земляк! Я вот возле тебя хочу устроить квартиру!»

«Что ж, располагайся! Места-то ведь не купленные!» — ответил Корней.

«Хоть не купленные, да дорого за них заплачено!» — пошутил с горькой иронией Гришка и начал устраиваться на нарах рядом с Корнеем.

Наконец, после полной загрузки вагона до отказа, прошла томительная процедура провер-

ки всех по спискам. Вагон заперли. Еще 10-15 минут ожидания и поезд, резко рванув, двинулся в неизвестность.

Несмотря на то, что боковые люки с решетками были открыты, воздух в вагоне все больше густел. Корней с беспокойством поглядывал на свою Галю, которая хотя и не жаловалась, но видно было, что ей тяжело.

Понемногу все в вагоне утряслось. Каждый устраивался фундаментально: ведь, по слухам, придется ехать больше месяца.

Стали развязывать свои узелки с харчами, чтобы успеть засветло поесть. Гришка размотал из одеяла чайник с горячим чаем, вытащил из сундука банку с вареньем и предложил Корнею и Гале горячего чайку. Те в свою очередь предложили Гришке перекусить чем Бог послал, и знакомство завязалось.

«А вы из каких мест?» — спросил Гришка.

«Из Покровой-Богачки» — ответил Корней.

«Так мы с вами земляки! Я из под Лохвицы. Может, знаете Млынки. Я там имел кузницу, да и хозяйство было неплохое. Недавно только женился, а вот на высылку еду один. Жена у меня активистка, она же мне и кличку «кулака» припечатала, и высылке моей помогла. Ну, да может, когда-нибудь будет и на нашей улице праздник—тогда уж рассчитаемся!»...

Рассказывая о своих злоключениях, Гришка все время сохранял юмористический тон, и только при последних словах в его голосе зазвучала угроза.

Гришка сразу понравился Корнею и они долго вели тихую беседу...

... Уныло стучат колеса вагона, унося эшелон в неведомую даль. Тоскливо дни и ночи проводить в запертом вагоне.

Но вот—Новосибирск. Дневка. Эшелон остановился на запасных путях. Вагон отперли, разрешили выйти.

Как осторожно Корней ни высаживал Галю из вагона, она оступилась, болезненно охнула и, если бы не Корней с Гришкой — упала бы. Гале сделалось плохо; пока дозвались доктора, у нее начались преждевременные роды. Родился мертвый ребенок. На носилках отнесли Галю в больницу в очень тяжелом состоянии.

В ночь эшелон с Корнем ушел дальше, а Галя осталась в Новосибирске, и что с ней стало дальше—один Бог ведает...

Еще две недели тяжелой дороги, и — конечная остановка на станции Большой Невер. Дальше пешком до лагеря «Бушуйка». Картины прошлого проносятся в голове Корнея. «Что с Галей? Жива ли? И за что разрушена его жизнь?»...

Неожиданный удар в спину прикладом оборвал его мысли.

«Что заснул! Иди!» — раздался грозный окрик охранника.

Дикая, безудержная злоба вспыхнула в Корнее. В мгновение ока он вырвал у охранника винтовку и наотмашь ударил его прикладом по голове. Ему хотелось истоптать ногами, рвать на куски ненавистное тело, видя в нем всех тех, кто разбил, искромсал его жизнь.

«Скорей в тайгу!» — толкнул его в плечо шедший сзади Гришка, сам делая громадный скачок с обрыва вниз.

Корней как бы проснулся и, раздирая своим телом кусты, ринулся вслед за Гришкой. Все это заняло несколько секунд. Прежде чем охрана поняла—в чем дело, Корней и Гришка были уже внизу в тайге, лавируя среди огромных лиственниц и кедров и скоро скрылись из виду.

Вслед за ними бросилось в погоню несколько охранников, на ходу разряжая винтовки. Этап после нескольких минут общего смятения пошел дальше.

Не слыша за собой выстрелов, Корней и Гришка остановились передохнуть, притаившись в кустах у подножья большой сопки. Только сейчас они стали соображать, что, собственно, произошло. Корней все еще крепко сжимал в руках винтовку, Гришка держал в правой руке наган, а в левой — пояс с подсумком,

«Как увидел я, что охранник свалился за-мертво, я и говорю себе: «Ну, Гришка, не зевай! Мигом расстегнул у убитого пояс с подсумком и наганом — и айда! Гляжу, а ты, раз-мозжив ему череп, стоишь с винтовкой, как окаменелый. Я толкнул тебя, да и скатился вниз»...

Отдыхать пришлось недолго. Корней, чутко прислушивавшийся к тишине, услышал дальний хруст ветки. Подавшись еще дальше вглубь кустарника, они заметили между двумя валунами щель и залезли в нее. Сбоку щели было еще какое-то углубление, но осматривать было некогда: совершенно явственно слышались людские шаги.

В просвете показались три фигуры охранников, идущих с ружьями наперевес. Погоня! Что делать? Затаиться или вступать в бой? Вихрем проносятся мысли, и сразу же созревает решение — необходимо бороться.

Вот в поле зрения выткнулась фигура... миг — и грянул выстрел. Недаром Корней был метким стрелком на войне. Охранник, пораженный в лоб, снопом повалился наземь.

Затрещали ответные выстрелы. Пули щелкали об валун и с визгом пролетали мимо. Это заставило беглецов прижаться к земле.

Вдруг с боку от них неожиданно раздался рев. Из боковой щели, выскочил громадный черный медведь, очевидно, обеспокоенный в своем логовище трескотней ружейной перестрелки. Он остановился, обнюхивая воздух. В это время шальная пуля нападающих ранила его. Не заметив притаившихся беглецов, медведь взревел и быстрой рысцой кинулся вперед. Нападающие, увидев его, пустили в него несколько выстрелов. Получив новую рану, медведь встал на задние лапы и пошел на нападающих.

Из-за дерева высунулась голова и плечо целящегося в медведя охранника. Корней, зорко наблюдавший за ближайшими деревьями, вскинул ружье и выстрелил. Два выстрела слились в один: охранник в этот момент выстрелил в медведя и попал ему в глаз. Медведь взревел и свалился в предсмертных конвульсиях. Но одновременно упал и охранник, сраженный пулею Корнея, еще держа в руках дымящуюся винтовку. Остался в живых третий враг, который, конечно, попытается бежать к своим за помощью. Надо во что бы то ни стало избавиться и от него. Корней остался на месте, зорко следя за окружающими деревьями и кустарниками, а Гришка ужем скользнул в кустарник и пошел в обход.

Напряженно прислушивался Корней ко всяким шорохам, но всюду тишина. Но вот чуть слышно донесся звук не то выстрела, не то сломанной ветки. Что это? Если выстрел, то кто стрелял? Гришка или — в Гришку? Звенящая тишина...

«Пу-гу! Пу-гу!» — раздался голос Гришки, и он сам показался в просвете между двумя кедрами.

«Ну, Корней, покончено и с третьим. Оббежал я его далеко вперед и затаился. Гляжу, бежит он, да все оглядывается назад, не гоним-

ся ли? Вот, как поравнялся он со мной, я и всадил ему пулю в лоб. Он охнул и упал замертво. Подошел я к нему, забрал винтовку, вещевую сумку с запасом консервов, да и назад».

Итак, непосредственная опасность устранена. Гришка с Корнеем подошли к лежащим на полянке убитым охранникам, забрали патроны, содержимое вещевых сумок, пару винтовок и хорошие финские ножи. Остальное зарыли в землю.

Эти приобретения отгоняли от них главную опасность в тайге: умереть от голода. Посоветовались между собою и решили, что немедленной погони им ожидать нечего, пока этап не придет на Бушуйку, а это значит — не раньше утра. Поэтому быстро занялись свеживанием медведя. Вырезали хребтовой балык и один окорок. Плотно набили вещевые сумки мясом и двинулись в путь.

Ни один из них тайги не знает. Корней слышал только, что на северо-востоке есть золотые прииски Алдана, а еще дальше на восток — Охотское море. Вот туда-то, к морю и решили они двигаться на японские рыбные концессии, а оттуда пробираться и в самую Японию.

В июле дни длинные. Шли до полной темноты. Ни дорог, ни тропинок. Нигде никаких человеческих следов. Натолкнулись на ручеек и возле него устроились на ночлег. Развели костер, поджарили в манерке медвежатину и с волчьим аппетитом поужинали. Повесили мясо тонкими ломтиками — повялиться. Подстелили под себя сухой хвоей и улеглись спать. Спят в полглаза, чутко прислушиваясь к ночным шорохам.

Чуть только засерело, они быстро двинулись въ неизвестную дорогу. Отныне они пре-

ступники втройне: кулаки, беглецы и убийцы четырех охранников. Всякая встреча с людьми, грозит им смертельной опасностью. Идут они быстрым шагом, а рой навязчивых мыслей рисует им безрадостную перспективу будущего, если они попадутся.

Молчание прервал Гришка. «А что я думаю, Корней! Ведь вот, в концлагерях сидит больше десяти миллионов таких, как мы с тобой. Ну что, если бы все сразу взбунтовались? Ведь это же какая армия! А на местах сколько еще десятков миллионов страдает, и ждут не дождутся, чтобы кто-нибудь помог им сбросить власть. Боятся только все, молчат!»

«Да и мы с тобой, Гришка, тоже ведь молчали. А вот как стало уж невтерпеж, мы и заговорили — пулей да прикладом. Погоды, наступит час для всех. Терпелив наш народ, ну а если уж припечет до края, то никакая сила его не поборет... Ну, а пока что мы с тобой на волчьем положении, и будем больно огрызаться, если попадем в облаву!»

Душно летом в тайге, жара переходит за 40°, а тут еще тучи въедливой таежной мошкары. Наши беглецы, однако, люди крепкие, выносливые. Передохнут в полдень часок, поедят вяленой медвежатины — снова в путь. От жажды они мало страдали. В якутской тайге летом много маленьких ручейков, образующихся от вечных мерзлот. Да кроме того в тайге много дикой смородины—едят ее походя. Идут до поздней ночи. Вокруг громадные кедры, лиственницы по тридцать-сорок метров высотой. Густые кустарники почти непроходимы. Дорога тяжелая, почти на каждом шагу завалы деревьев, упавших от старости Бог знает когда. Бесчисленное количество зайцев встречается на каждом шагу. Видели не раз белок, бурунду-

ков, диких кошек, рысей. Для охотника раздолье, но беглецам сейчас не до охоты, они спешат пробраться подальше в самую глубь тайги.

На пятый день пути, около полудня, они вышли на речку. Довольно широкая, но не глубокая, сквозь прозрачную воду прекрасно видно каменистое дно. Нигде никаких признаков человека. Быстро разделись и с наслаждением искупались в холодной воде. Вышли из воды после купанья бодрые, как будто смыли с себя всю усталость. Разожгли костер, зажарили по куску вяленой медвежатины, вскипятили вместо чая дикую смородину и впервые за пять дней почувствовали себя хорошо.

П О Р Е К Е

Корней, задумчиво глядя на реку, обратился к Гришке:

«А знаешь что, Гришка! Ведь река-то течет на восток. Не смастерить ли нам плот, и вместо того чтобы ломать себе ноги по завалам, поплыть плотом по реке? Может, возле реки встретим якутское жилье, да и спросим про дорогу. А то мы ведь совсем в потемках».

Мысль Корнея понравилась Гришке, и они не откладывая дела в дальний ящик, сразу же принялись за сооружение плота. Дело это было нелегкое. Ни топора, ни пилы у них нет, только финские ножи. Но оба привыкли к настойчивому упорному труду. Поваленного леса, сушняка, кустарников, ползучих растений—вволю. Недостатка в материалах нет. Выбрали четыре сухих бревна на раму, с трудом очистили их, из веток кустарника с сушняком сплели толстый настил на дно плота, сделав его двой-

ным. Скрепили плот ползучими растениями. На третий день плот был готов. Спустили его на воду. Ничего, держится хорошо. Посредине плота устроили шалашик, куда сложили свое несложное имущество. Сзади плота прикрепили шест вместо руля и оттолкнулись от берега. Течение подхватило плот, и он довольно быстро поплыл посредине реки.

Управляли плотом по очереди. Прохлада реки скрадывала жару. В первый же день плавания, они оценили, насколько лучше двигаться по воде. Проплыли они за день не менее 35-40 километров без всякой затраты труда, а ведь при ходьбе, бесконечно истомляясь к концу дня, проходили не более 15-20 км. Кроме того, когда не стоишь у руля, можно полежать в тени шалаша. Беспокоило только то, что запасы продуктов катастрофически быстро уменьшались.

Однажды, сидя на плоту у шалаша, Корней глядел в воду, и обратил внимание на рыбу, которую было прекрасно видно сквозь прозрачную воду. Появилась идея: попробовать ловить рыбу. Корней снял свой тельник, распорол его, придав ему квадратную форму. Причалив к берегу, вырезал четыре длинных прута и шест. Связал крестобразно прутья, прикрепив их к шесту, а к краям прутьев привязал распоротый тельник. Вот, «паук» и готов...

Корней с плота опустил свой «паук» в воду. Ненапуганная рыба спокойно наплывала на «паук», и Корней за каких-нибудь полчаса наловил штук десять хороших хариусов, несколько штук омулей и даже небольшую нельму.

Когда зажарили рыбу, то она оказалась необыкновенно жирной. Хариус по вкусу напоминает нашу скумбрию, а нельма—осетра. Одно плохо: нет соли, но соль заменяли припра-

вой из дикого ревеня. Не тратя ни пуль, ни времени, беглецы теперь имели обильное и вкусное питание.

В дороге они уж больше двух недель, и пока — попрежнему никаких следов присутствия человека. Но однажды, отплыв от последней ночевки 5-6 клм. и выткнувшись из-за поворота реки, беглецы увидели на берегу две хижины. Быстро причалили к берегу и замаскировали плот в прибрежных кустах.

Корней с винтовкой взобрался на ближайшую сопку, а Гришка, прячась в кустарниках, стал пробираться к хижинам, чтобы разведать, нет ли какой опасности. Корней с вершины сопки зорко наблюдал за хижинами. Вот вышла из хижины женщина с ведром, набрала в реке воды и возвращается обратно. Из другой хижины вышел седой старик. Остановились, разговаривают... Самая мирная обстановка. Поговорили и разошлись. Гришки нигде не видно.

Корней ждал довольно долго, пока вернулся Гришка и начал рассказывать, что ему удалось узнать. Пробрался я к самым хижинам. Вышла якутка по воду, а потом и старик-якут. Заговорили они между собой по-якутски, ну, а много слов и русских. Вот я и понял, что молодые вот уж двадцать лун, как поехали в факторию за продуктами и не сегодня-завтра должны вернуться домой».

«Стало быть они нам не страшны» — сказал Корней. «Очевидно вблизи нет никаких жилых мест. Надо остановиться у них, да спросить про дорогу к Охотскому морю».

Сели они вновь на плот, и уже не скрываясь, поплыли к хижинам, решив сказать якутам, что они пробираются на Алданские золотые прииски.

Причалили к хижинам. На их говор вышел старик-якут, заговорил с ними на ломаном русском языке и пригласил в хижину передохнуть. Якут оказался очень словоохотливым и гостеприимным. Рассказал про хорошие заработки на Алдане, что плыть туда по реке, которую он назвал Тимптоном, нужно еще 12 дней, а потом, от пристани Укулана, надо еще два дня идти хорошей дорогой до Алдана. Навели наши беглецы разговор на Охотское море. Оказывается, якут и там побывал. От Укулана можно плыть по реке Алдану до Учура, а потом притоком Учура еще 200 км., а дальше километров 600—700 идти тайгой до Охотского моря.

Разговаривая с гостями, якут что-то молвил по-якутски женщине, и пока они разговаривали, якутка наставила разной снеди. Старик предложил беглецам перекусить. Корней с Гришкой, придвинувшись поближе к столу, приналегли на все, что там стояло. Еда казалась им замечательно вкусной: все было посоленным, а они за три недели пути питались только пресным.

Корней заметил, что якуту очень понравился финский нож, и он предложил обменять нож на соль. Старик охотно согласился и дал кило два соли да примерно столько же муки впридачу. Переночевали у якута и на утро, распростившись с гостеприимным хозяином, поплыли дальше.

Это была первая встреча с людьми с самого момента их побега. У Корнея невольно возникло тревожное чувство. Ведь как-никак, оставили за собой ясный след, по которому легко их будет поймать. Ну да авось, погоня не попадет на хижину якута, а на реке никаких следов нет.

В пути уж второй месяц.

В один ясный солнечный день, вскорости после полудня, беглецы, плывя на плоту, услышали быстро нарастающий гул. Не успели они понять в чем дело, как с ясного неба спустился к реке самолет. Над самой рекой он вновь взвился вверх, сделал несколько кругов и исчез из виду. Нет никакого сомнения, что летчик их видел. Что это, разведка или случайный спуск? Во всяком случае спокойствие нарушено. Что делать дальше?

Посоветовались и решили, что с завтрашнего дня нужно дальше пробираться пешком глухою тайгою.

Сказано-сделано. Причалили к берегу, изрезали скрепы плота и пустили его по течению. Перекомбинировали поудобнее свои заплечные мешки, плотно уложив свой незамысловатый багаж. Незаметно подошел вечер. Развели маленький костер, зажарили в последний раз рыбу. Приходилось распрощаться с рыбой, надо уходить подалее вглубь тайги. Сидят молча, задумались.

«Руки вверх!» — раздался страшный окрик. Корней мигом схватил лежавшую рядом с ним винтовку и ринулся в кусты. Успел еще заметить, как свалился наземь Гришка. Очевидно напавал — подумал Корней, притаившись за стволом великана кедра, решив дорого продать свою жизнь. Повернувшись лицом к оставленной площадке, он увидел, как из темноты тайги выскочило двое преследователей. Быстро вскинул винтовку... Один из нападающих свалился.

Со вторым же преследователем произошло что-то непонятное. Он наклонился к лежащему Гришке, и не успел еще Корней выстрелить, как он как-то неестественно ткнулся в землю, выпустив винтовку.

Дальше Корней еще более поразился. Лежавший мертвым Гришка, едва упал второй преследователь, привстал, согнувшись, схватил винтовку упавшего и стрелой бросился в кусты. Еще через несколько секунд Гришка поровнялся с Корнеем и они вместе побежали к прибрежным скалам.

Сзади и с обеих сторон раздавалась беспрерывная трескотня выстрелов, но беглецы уж вскарабкались на скалу, омываемую с другой стороны рекой...

Хоть было темно, но все же в просвете они увидели собаку, шедшую по их следам. Убежище их было открыто. Гришка быстро прицелился и выстрелил в собаку. Та взвизгнула, высоко подпрыгнула и грохнулась на землю. В ответ участились выстрелы со стороны нападающих.

«Эх, зря заряд израсходовал на собаку, пригодился бы лучше на человека!» — прошептал Корней.

«А ты не очень жалеешь, ведь эта стерва похуже человека: навела на след! Зато того, что на полянке, я убрал без выстрела. Как крикнули «руки вверх», а ты пустился бежать, они сразу и пальнули. Думаю, на виду мы, целить легко, — вот я и свалился будто мертвый. А когда тот наклонился посмотреть, жив ли я, тут я и полоснул его что есть силы по горлу, а сам бежать».

Выстрелы затихли, очевидно преследователи идут цепью в обхват.

«Ну, что ж так дожидаться смерти, давай перебираться на ту сторону реки!» — прошептал Корней, и, передав винтовку Гришке, стал тихо спускаться к воде. Нащупал дно и принял от Гришки винтовку. Через минуту они уже тихо пробирались по каменистому дну на другую сторону реки.

У Корнея, идущего впереди, из под ноги вывалился камень. Бултых! К счастью, здесь было неглубоко.

Но всплеск привлек внимание преследователей, и вновь затрещали выстрелы. Быстрей вперед, вот уже половина реки пройдена.

Но тут новое несчастье: где-то по реке застучал мотор, яркий сноп прожектора с идущей полным ходом моторной лодки, осветил водную поверхность. Корней с Гришкой присели в воде по горло, и луч заскользил дальше. Еще немало — и спасительный берег, вода уж только по пояс.

Но предательский луч уж нащупал — и не отходит от них. Пули забулькали вокруг.

Скорей! Скорей к берегу! Гришка охнул, как-то захлебнулся воздухом и опустился в воду.

«Держись, Гришка, вот уже берег!» — шепчет Корней, волоча в воде падающего Гришку. «Брось! Беги сам, спасайся!» — с усилием отвечает Гришка.

«Не плети чепухи! Товарища не брошу. Куда тебе угодило?»

— «В шею, видно, конец, гляди, как кровь хлещет!»

Все же до берега они добрались, и оба обессиленные свалились у небольшой сопки в кустах. Развязка приближалась. Подошла моторка, луч прожектора прошел по кустам. Все затихло... но болезненно напряженный слух, ловит предательский шорох. Гришка затих: то ли умер, то ли потерял сознание. Сильно болит бок: ранили-таки... Как молотом стучит кровь в висках. В ушах звон. Шорохи все ближе, явственней... Свисток — и со всех сторон ринулись к кустам преследователи. Корней почти в упор расстрелял свою обойму. Новую вставить ему не пришлось. Страшный удар по голове свалил его с ног, и он потерял сознание.

СНОВА В РУКАХ ГПУ

Когда Корней пришел в себя, то почувствовал, что он, крепко связанный, лежит на борту моторной лодки. Видно пролежал он без сознания долго, так как уже была предрассветная полумгла. Возле него стоял часовой. Лодка двигалась вниз по реке.

Нестерпимо болела голова. С трудом скосил взгляд и увидел чуть дальше от себя лежащего Гришку.

Медленно ворочаются мысли. «Ну вот, и конец! Обидно умирать от пули в затылок, лучше бы погибнуть в борьбе!..» Мысли путаются. Стук мотора, как обухом, бьет по голове. Дорога кажется бесконечной.

Только к ночи моторка причалила к пустынной пристани «Укулан». Двое пристанских рабочих снесли на носилках Корнея и Гришку на грузовой автомобиль. Два часа невероятных мучений от боли в голове и в боку; наконец, автомобиль остановился во дворе тюрьмы. Корнея и Гришку поместили в разных камерах-одиночках. Пришел фельдшер, промыл обе раны и наложил повязки.

Попрежнему безумно болит голова. В потлке высоко ввинчена лампочка. В горячке она представляется Корнею жгучим солнцем, нестерпимо режущим глаза. В одиночке мертвая тишина, но Корней ясно слышит пулеметную трескотню, тяжелое уханье рвущихся сна-

рядов. А тут еще на него мчится на всех парах поезд, все ближе и ближе. Страшный прожектор впереди паровоза...

Господи!—Впереди на рельсах лежит связанная Галя!.. Страшным усилием воли, Корней сбрасывает с себя оцепенение... громадный скачок, он схватил Галю, но паровоз уж настиг его, сбил с ног... провал...

По звонку часового пришел фельдшер, подняли Корнея с пола и уложили опять на койку, положили на голову пузырь со льдом...

К нему подошла мать, ласково гладит его по голове. Боже, как хорошо! Голове легче! Спасибо, мама!.. Затих-забылся. А ночь длинная, длинная...

Заботливо ухаживают за Корнеем... Вставать он еще не может, попрежнему к нему ежедневно приходит фельдшер делать перевязки. Приносят ему в камеру три раза в день пищу, но есть не охота, зато он много пьет какой-то бурды, называющейся чаем. Боли в голове прекратились, если лежишь не двигаясь.

Вот уж несколько дней, как он в полном сознании. Мрачная перспектива рисуется ему... «Борьба оказалась напрасной. Сила солому ломит... Впереди расстрел.

И ведь какая изуверская жестокость: его, умирающего, всеми силами стараются воскресить для того, чтобы потом умертвить, У него нет боязни перед смертью, он с радостью вступил бы в бой против сотни врагов. Пусть его убьют, но он погибнет в борьбе. Или пусть бы его расстреляли, но так, чтобы он мог смело смотреть в глаза своим врагам. А ведь так придется погибнуть, как быку на бойне. Правда, с маленькой разницей, быка убивают в лоб, а ему по-воровски всадят пулю в затылок».

Никто и ничто не прерывает его мыслей.

Но однажды, вскорости после утренней раздачи, к нему в камеру пришел следователь. Начал он свой допрос приветливым тоном. Обычные вопросы: фамилия, имя, возраст, партийность... Потом обычное вступление: «Расскажите все откровенно. Полное признание облегчит вашу участь».

Рассказ Корнея был краток: «Не стерпел удара, уж очень много накопилось горечи, и я ответил ударом на удар. Ну, а потом, сбежавши, защищал свою жизнь. Не убил бы я, убили бы меня. Гришка — случайный сообщник, до высылки я его не знал». Следователь все время записывал показания. «Кто же у вас главный?» — спросил он Корнея. «Да, как сказать, бежали вместе, не сговариваясь. Правда, я первый убил прикладом охранника, значит, выходит, что я—вроде главный!»

Следователь перестал задавать вопросы и все время что-то быстро писал. Закончив, он предложил Корнею подписаться.

Корней взял протокол и начал его читать. Чем дальше он читал, тем больше у него путались мысли. В протоколе было признание, что он является главою террористической группы, ставящей себе заданием свержение советской власти. Что группа эта действовала по заданию иностранных капиталистов и т. п.

Вновь все спуталось в голове у Корнея. Он разорвал протокол, сорвался с койки, чтобы наброситься на следователя. Но страшная боль в голове пронизала его, как электрическим током, и он свалился в беспамятстве. Вновь его обступили кошмары. Вызванный следователем фельдшер, вместе с часовым, уложил Корнея на койку.

Крепкий организм Корнея переборол болезнь, и через десять дней он уже мог сидеть на койке и кое-как передвигаться по камере.

Еще через несколько дней фельдшер сказал ему, что его будут выпускать на прогулку. Действительно, через два дня это осуществилось.

В небольшом дворе по кругу ходило человек двадцать заключенных, держа метровое расстояние друг от друга при полном молчании —разговаривать не разрешалось.

Какой прекрасной показалась Корнею природа! Смолистый запах тайги, солнечные лучи опьяняют его. Хотя голова еще кружится, но Корней с наслаждением шагает по кругу. Он чувствует, как в него вливаются силы. Жить хочется! Но прогулка закончена. Свисток старшего надзирателя, и опять камера.

Корнею и в камере не сидится. Прогулка возбуждала в нем жажду жизни. Он теперь беспрерывно марширует по камере. Вспомнил солдатские гимнастические упражнения, благо раны на боку и на голове зажили, и начал заниматься гимнастикой. Всю пищу, какую ему теперь приносят, он съедает без остатка. Он чувствует, как крепнут его силы. После болезненной апатии появилась жажда деятельности. Спасись! Как? Этого он еще не знает, но нужно набраться поскорее сил, пока еще следовательно его не тревожит.

На прогулках он видит Гришку, которого тоже стали выпускать на прогулку. Многозначительно подморгнул ему в сторону тайги, тот понимающе кивнул головой.

Нужно бежать, но как? И вот, возникает безумно смелая мысль. Шансов на удачу один из ста, но все равно, нужно попробовать использовать и этот маленький шанс, ведь их ждет впереди только расстрел. Нужно спешить, пока еще не начали водить на допросы, на которых страшными пытками превратят его в полутруп.

БУНТ В ТЮРЬМЕ

На сегодня Корней назначил привести свой план в исполнение. Ждет не дождется, когда выпустят его на прогулку. Загремел засов. «На прогулку!» Спустился вниз во двор. Увидел Гришку и вновь подмигнул ему на тайгу, тот улыбнулся. Когда прошли несколько раз круг, Корней отдельным шопотом говорит идущему впереди заключенному: «Когда будет свисток об окончании прогулки, поднимаем бунт. Каждые пятеро бросаются на ближайшего часового и убивают его. Потом бегом в тюрьму — отпирать камеры, Передай переднему!» Страшный риск. Послушаются ли его приказа? Удастся ли проделать все молниеносно? Но... терять нечего. Подбодрил кивок Гришки, очевидно уже получившего передачу Корнея.

Свисток... Корней быстрым взглядом окинул всех и кинулся на ближайшего надзирателя. С ним еще четверо. Миг — и надзиратель лежит. Корней схватил наган, а другой его соучастник — винтовку у убитого. Оглянулся на других, там уж тоже закончено. Корней, с еще двумя освободившимися, уже в стенах тюрьмы. Бегут к комнате дежурных подчастков. Гришка с остальными мчатся на второй этаж открывать камеры. Четверо вскочили в кабинет начальника тюрьмы.

«Руки вверх!» — крикнул Корней, с револьвером в руках, распахивая дверь дежурки. В ответ раздался выстрел и один из спутников Корнея замертво повалился наземь. Корней поч-

ти в упор разрядил свой револьвер, уложив троих подчаствоков. Сорвали с убитых револьверы и выскочили в корридор. Туда уж со взволнованными возгласами спускались со второго этажа освобожденные из камер заключенные.

В течение пяти минут все было закончено. Тюрьма оказалась во власти заключенных. Убито двенадцать надзирателей и начальник тюрьмы. Часовые, стоявшие у ворот, сбежали... Всего освобожденных оказалось восемьдесят человек. Корней выглянул из окна тюрьмы и увидел, что в городке уже поднялась суета. Какой-то отряд вооруженных людей беглым шагом двигается по направлению к тюрьме. Гришка обнаружил в подвале ящик с вивтовками, много патронов и гранаты.

Корней собрал всех вниз. «Ну, ребята, кашу мы с вами заварили крутую! Что делать дальше? Мой план такой: продержаться в тюрьме пока стемнеет, а потом — прорываться... В случае нападения до темноты — стрелять пачками, патронов хватит. Внизу у дверей — пять человек с гранатами. Двери на запор. Подбираться сразу партиями по 4-5 человек и при побеге в тайгу держаться друг друга. Кому повезет, тот прорвется...»

Долго говорить не пришлось, сторожевые у окон сообщили, что нападающие подобрались к последним домам и, как видно, собираются идти в наступление.

Освободившиеся заключенные—все в прошлом люди военные... Быстро заняли места у окон. Некоторое время было тихо. Но вот защелкали винтовочные выстрелы, затрещал пулемет и нападающие пошли на приступ. Осажденные буквально засыпали их пулями.

Не ожидавшие такого решительного отпора, нападающие, видя непрерывно падающих товарищей, замялись, дрогнули и повернули на-

зад — подкрытие домов. Но не все, более двух десятков осталось лежать на земле, то ли убитые, то ли смертельно раненые.

Не обошлось без жертв и среди защитников, четверо убито наповал.

Вездесущий Гришка раздобыл на кухне и в кладовой продукты и по братски поделил между всеми. Пользуясь затишьем, все стали группироваться по 4-5 человек. Присмотрели и Корней с Гришкой двух спутников: русского охотника и якута. Раздобыли вещевые сумки, уложили продукты, взяли запас патронов и несколько гранат.

Незаметно приблизился вечер. Дежурные у окон сообщили, что к нападающим подошло большое подкрепление. Очевидно, они тоже ждут наступления темноты, чтобы теснее окружить тюрьму и взять ее штурмом. Значит время пытаться прорвать кольцо. Все столпились внизу у выходных дверей. Тихо отложили запоры и начали выскальзывать наружу. Уж несколько внизу. Но тут затрещали выстрелы со стороны нападающих. Быстрей! Все бунтари бросились врассыпную.

Корнеева четверка держится вместе. Впереди охотник, прекрасно знающий город. Вместо того, чтобы бежать к тайге, бегут к городу. Здесь заслон, который встречает их огнем. Добежали до цепи и разом швырнули четыре гранаты. Пользуясь вызванным замешательством, ринулись в прорыв. Пока нападающие опомнились, храбрецы уже проскочили цепь.

Вожатый-охотник свернул за ближайший дом, остальные — за ним. Перебежали двор, перепрыгнули через низкий заборчик и очутились в другом переулке. Выстрелы слышны где-

то в стороне. Дальше — через дворы и заборы, — очутились на центральной улице. Здесь тишина, нигде ни души. Все жители попрятались в домах.

Перебежали центральную улицу и — снова по задворкам — достигли окраины города.

Глухо слышны разрозненные выстрелы в разных направлениях: очевидно, преследователи рассыпались в погоне.

Вот и Селигдарский тракт, теперь на протяжении 40 километров не встретится ни одного жилья. Погони не слышно. Сменили бег на шаг, огляделись. Все невредимы, только у якута прострелена ушная раковина. Наскоро сделали перевязку.

...Итак — на свободе! Правда, впереди — полная неизвестность, но с нами охотник и якут, для которых тайга — родная стихия. Охотник советует взять тридцать километров в сторону, добраться до глухого прииска «Золотинка». Там у него знакомый заведующий магазином; можно запастись продуктами, а главное — теплой одеждой. Ведь на дворе сентябрь, через месяц ляжет зима, а в такой одежде, как у них, пропадешь в тайге. Все согласилось с этим советом. Сошли с дороги и устроились под кустом — передохнуть ненадолго: нужно подальше отойти от города еще до рассвета.

После отдыха долго шли молча, а потом решили познакомиться покороче и наметить совместно план дальнейших действий. Корней кратко рассказал о себе и Гришке, и что они решили пробираться в чужие края.

Якут рассказал о себе. Жил он в тайге, занимался охотой, имел 50 оленей. Долго засиживаться на одном месте нельзя. Пушной зверь уходит от людей все дальше в глубь тайги. Вот и приходится каждые два-три года перекочевывать на новые места. «На последнем месте, воз-

ле Саняхтата, — говорит якут, — жило нас четыре семейства. Слышали, что царя уже нет, а пришла какая-то новая советская власть. Ну, да мы мало имели с ней дела: два раза в год съездишь в факторию, сдашь пушнину, купишь, что тебе надо, вот и все дела. Этой весной пошли слухи, что новая власть отбирает оленей, запрещает самовольно переселяться, облагает каждого охотника непосильным пушным налогом.

«Летом приехало в наш наслег какое-то начальство, двое русских и трое незнакомых якутов. Переписали всех жителей, оленей, пушнину. Оставляют на каждую семью по десять оленей, а остальных оленей и всю пушнину забирают.

Не поверили мы, что власть может такое делать... Вот, приезжие сбили стадо из наших 250 оленей, навьючили на них нашу пушнину, а мы за ружья, да и отбили от них стадо. Они стали стрелять по нам. Ну, мы тогда совсем рассердились, и разделались с ними, как с разбойниками. Только один из них убежал.

Через месяц явился целый отряд в 20 человек. Нас всех арестовали и привезли в тюрьму на Алдан. Говорили, что нас расстреляют, за то, что мы против народной власти. А какая же это народная власть, раз она грабит народ? Они говорят, что я богатый, кулак, имею 50 олешек. А ведь меньше охотнику и иметь нельзя. Нужно переезжать в другое место, на нарту больше одного мешка не положишь, да и людей больше двоих не посадишь на нарту. Сидеть на одном месте — как можно! Надо глубже в тайгу, надо зверя промышлять... Ай-ай! Не будем промышлять — все пропадем! Если это народная власть, она должна все понимать. А я вот из-за такой власти — смотри, как пло-

хо живу --- бегаю, как зверь от охотника... За-чем такая власть? Совсем плохая, никуда не годится!...»

Слушают Корней и Гришка этот рассказ, и видят, что везде одинаково. В глухой тайге — и то людям не дают жизни.

Помолчав немного, Корней обратился к охотнику. «Не знаю, как вы с якутом думаете, а мы с Григорием решили бежать куда подальше! Будем пробираться к Охотскому морю на японские рыбные промысла. А оттуда, как ни на есть — попасть на японский пароход и махнуть в Японию. Каково там ни будет, а все лучше, чем здесь. Только плохо, что мы с Гришкой тайги не знаем. Вот, если бы вы с нами решили туда податься, уж куда как было бы здорово!»

Охотник долго молчал, раздумывая над предложением Корнея. Бросить тайгу с ее неизмеримыми просторами, с ее пушным богатством? Нигде, пожалуй, нет такого приволья, как здесь? Да... было приволье, а сейчас? Ведь вот и сейчас за ним охотятся, как за диким зверем... А тяжело уходить из тайги! За много лет он сжился с нею, и сейчас у него такое ощущение, как будто ему нужно уйти из чистой, светлой комнаты в какую-то яму, наполненную отвратительными пресмыкающимися. Тяжело! Но... нужно менять жизнь.

Он пристально посмотрел на Корнея и еще помедлив, заговорил. «Зовут меня Владимиром. Про свое прошлое расскажу потом. Одно скажу, что я, как и вы все — небольшой преступник. Раз уж судьба свела нас всех вместе, будем так и держаться. Пробираться к Охотскому морю — это вы хорошо придумали. Да и для меня эта дорога знакомая. Если и ты, Павел,— обратился он к якуту, согласен, тогда у всех нас одна дорога.»

Якут без раздумья согласился, и наши беглецы, уже связанные одной и той же целью, бодро зашагали вперед.

Было уже три часа утра, когда они добрались до Золотинки. Прииск спал предутренним сном. Охотник с Гришкой пошли к приискскому магазину, где была и квартира заведующего, а Корней с якутом залегли в зарослях опушки тайги, подходившей к самому прииску. Видно, как охотник с Гришкой стучат в окно квартиры, потом открывается дверь, и они входят в дом.

Прошло не больше пяти минут, как в дверях квартиры появился Гришка и знаком позвал Корнея и якута. Хозяин, еще нестарый человек, приветливо пожал им руки и сказал:

«Ваш товарищ, охотник Владимир, которого я хорошо знаю, уже сказал мне, что вам от меня надо. Я вам охотно помогу. Устраивать видимость ограбления не нужно, это лишнее. Я сам хочу присоединиться к вам. Есть к этому причины. Я, видите ли, скрыл от советской власти, что мой отец — генерал, убитый еще в начале войны. Когда меня расшифровали в Харькове, я бежал сюда по подложным документам и прожил здесь два года. Жил бы и дальше, но вчера, будучи в городе, я случайно столкнулся со своим бывшим однокурсником по медицинскому институту. Этот парень прислан сюда на работу как врач. Он член партии, и прекрасно знает, что со мной было в Харькове. Не сомневаюсь, что он донесет на меня. Я должен бежать и прошу принять меня в вашу компанию».

Корней, внимательно слушавший хозяина, обвел взглядом своих товарищей и прочел в их глазах молчаливое согласие. «Ну что-ж, в добрый час! Приставайте к нам, будем горе мыкать вместе!»

Не тратя времени, все пошли в магазин, надели на себя новое белье, ватники, ичиги (мягкие сапоги без каблуков). Набили заплечные мешки самым необходимым. Приторочили к мешкам кухлянки (длинные до колен меховые рубахи), и вскорости пополнившаяся группа беглецов вышла из Золотинки. Да и пора было: уже из многих труб вился дымок от растапливаемых печей—прииск начал просыпаться. От опушки круто взяли вглубь тайги и затерялись среди деревьев.

Шли молча, размашистым шагом. На медленную погоню они не рассчитывали, т. к. ГПУ безусловно занято вылавливанием бежавших из тюрьмы, которые все бросились к тайге. Только четверка Корнея, благодаря охотнику, выбрала как будто самый опасный, но, в действительности, самый надежный путь через город. Поэтому трудно ожидать, чтобы погоня пошла в их сторону. Исчезновение же их нового товарища, Сергея, тоже не сразу обнаружится; он предусмотрительно прибил записку к дверям магазина: «Уехал на пару дней в город». Пока же преследователи свяжут все узлы домыслов вместе, беглецы уже далеко углубятся в тайгу, которая своими тысячекилометровыми просторами скроет их от преследователей. Нужно только избегать людных мест. Мешки их до отказа набиты нужнейшими запасами. Дичины же в тайге хватит с избытком...

Как ни крепки Корней и Гришка, но последствия ранения все же сказываются, и они с трудом передвигают ноги. Да правду сказать, и путь они проделали немалый: от города до Золотинки — 30 км., да и сейчас отошли уж километров на двадцать пять. Добравшись до небольшого ручейка, решили передохнуть и сделать привал. Усталость была так велика, что и есть никому не хотелось. Поснимали с себя

ружья, мешки и повалились спать. Дежурить вызвался их новый товарищ Сергей. Через несколько минут истомленные беглецы уснули крепким сномъ.

Сергей уселся под громадным кедром, положил ружье на колени и чутко прислушивается к таежным шорохам. Тихо в тайге. Ни малейшего ветерка. Тяжелые мысли о прошлом одолевают Сергея. Вся его жизнь исковеркана. Отец убит на войне, когда Сергею было семь лет. Революция застала его с матерью в Петербурге. Мать, спасаясь от голода, переехала в Харьков, благоразумно сменив мужнюю фамилию на свою девичью. Бесперывная нужда. Мать работает с утра до позднего вечера—она машинистка. С детских лет Сережа должен лгать и притворяться, не дай Боже проговориться о прежней жизни! Главное — всегда помнить, что при царе все было плохо, а теперь все великолепно... Трудно, безрадостно прошли годы ученья в средней школе. Сергей поступил в медицинский институт, и тут началось настоящее увлечение наукой. Студенческие товарищи, принудительная общественная активность. Лавирование — как бы не попасть в партию. Частые проверки и чистки, и наконец — разоблачение матери, как жены бывшего генерала. Бегство из Харькова по подложным документам в далекую Якутию. И вот теперь — опасный путь в неизвестность...

Перевалило за полдень, когда беглецы начали просыпаться. Умылись ледяной водой ручейка, перекусили и, освеженные, двинулись в путь. Предстоит пройти глухою тайгою 1800 км. до Охотского моря, на это нужно при благоприятных условиях не менее четырех месяцев. А там — что Бог даст...

В Т А Й Г Е

Чем глубже пробирались беглецы в тайгу, тем больше отодвигалась опасность погони. Сейчас ведь лето, и в тайге людей не встретишь. Только зимой, когда снег ляжет двух-метровым настом*), в тайге появятся охотники на пушнину, проложат таежные тропки. Тогда же откроется и зимняя дорога от Якутска до золотых приисков Алдана. Тянется она на 950 километров. Сейчас же в тайге не видно никаких тропинок. Но охотник и якут прекрасно знают свою тайгу, и там, где малосведущий человек не в состоянии пробраться сквозь вековую глухомань, они ведут своих товарищей с такой уверенностью, как будто идут по большой дороге.

Конец сентября, бич тайги — мошка уже исчезла. Да и жара уже спала, и беглецы, несмотря на трудности дороги, бодро проходят километр за километром. Вначале боялись разводиться на ночь костер, чтобы не обнаружить себя. Ночи были уже холодные; вот тут-то Корней и Гришка оценили предусмотрительность охотника, посоветовавшего запастись теплой одеждой. По всей видимости, погоня в их сторону не пошла. Да если бы сейчас и появились преследователи, беглецы не беззащитны. Четыре винтовки, да охотничье ружье Сергея бодрят их, дают уверенность, что в случае беды они смогут дать солидный отпор.

*) Наст — плотный слежавшийся слой снега.

По дороге встречали много рябчиков, глухарей, но беглецы предпочитали подстрелить лучше пару зайцев: в них мяса больше, чем в птице. Зайцев же в тайге видимо - невидимо. Здесь их никто не стреляет. Якуты зайчатины не едят, считая ее поганой, а шкурка представляет собою такую ничтожную ценность, что еле покрывает стоимость выстрела.

Хотя пятерка беглецов подобралась на редкость выносливая, но все же проходят они в день не более двадцати километров. В пути они уже две недели, а по приметам охотника, прошли немногим больше двухсот километров. Еще две недели хода — и Тыркандинский перевал. Это последнее населенное место, а потом до самого Охотского моря, свыше тысячи километров, никакого жилья не встретишь. Идут они теперь спокойно. В такой глуши никакая погоня их не сыщет. На ночь разводят хороший костер и дежурят по очереди, поддерживая огонь.

Восьмого октября очередным дежурным у костра был Корней. После полуночи начал падать крупными хлопьями снег. Ни малейшего движения ветра, снег сплошной пеленой сыплет, как из мешка. Пришлось будить товарищей, чтоб их не засыпало совсем.

Опытные таежники, охотник с якутом быстро соорудили между двумя кедрами шалаш из сушняка. Набросали на крышу зеленой хвои — и жилье готово. Правда, в него не входят, а вползают, а все же, лежа на хвойной подстилке, можно было свободно перебыть этот снегопад. Охотник с якутом говорят, что первый снег идет недолго—день-два. Но онъ засыпает ямы и поваленный сушняк, что делает дорогу непроходимой. Придется переждать не-

сколько дней, пока верхний слой снега затвердеет и образует наст, по которому можно идти на лыжах.

Уже давно рассвело, а снег продолжал беспрерывно валить, затемняя дневной свет. Использовали вынужденное безделье и занялись изготовлением лыж. Охотник с Гришкой трудились над обработкой лыж, а остальные занимались выделкой сыромятных ремешков для лыж из кожи убитого оленя. Через четыре дня снег перестал, а к этому времени были уже готовы для каждого беглеца по паре коротких — якутского образца лыж. Дальше двинулись уже на лыжах. За первый же день, несмотря на то, что снег еще не хорошо улегся, без особого усилия прошли около сорока километров.

Тайга нарядилась в зимний убор. Кроны великанов кедров и лиственниц покрылись белоснежными шапками. Кое-где встречающиеся ели с макушки до комля сверкали под лучами яркого солнца снежными блестками. Поваленные деревья, сушняк, перепревшие листья на земле — все скрылось под кружевным белым покрывалом.

По снежной глади охотник, как по раскрытой книге, читает, что происходит в тайге. Вот прошла рысь, оставив свои следы, длинной дорожкой уходящие вдаль. Тут топтались глухари, а там пробежали куропатки, рябчики. Заячьих следов — не перечесть; их тут миллионы. Виднеются и лисьи следы, но это прошла простая красная лисица; дальше появятся чернобурки, песцы... Через полтора месяца начнется охота на белок, бурундуков. Много здесь и медведей. За Тыркандинским перевалом появятся и громадные полярные волки.

С захватывающим интересом слушают Корней с Гришкой рассказы охотника о тайге, которую они раньше совсем не знали. По манере рассказывать, Корней заключает, что охотник культурный человек и видывал лучшую жизнь. Кто он? Что понудило его идти в тайгу на тяжелую жизнь охотника? Одно чувствует Корней, что этот человек не преступник, что он не способен на бесчестный поступок. За это говорят его чистые серые глаза, взгляд которых всегда полон искренности. Иногда он бывает, правда, твердым и острым, как сталь. Таким взглядом смотрел охотник, когда Корней подошел к нему в тюрьме с предложением бежать вместе. Второй раз заметил Корней такой взгляд у охотника, когда по дороге на Золотинку предложил ему и якуту идти вместе к Охотскому морю. Корней помнит этот пристальный, кажется, проникающий в самую глубину души, острый взгляд. Неразгаданный молчаливый человек. Ну что ж, молчит, стало быть не пришло еще время открыть себя. Настанет час — все узнается.

Теперь по ночам, путники безбоязненно разводят костер, так-как опасность погони безусловно миновала. Проводить же ночи без костра невозможно, морозы переходят уже за 40 градусов. Днем, идя только в ватниках, они холода не ощущают, им даже жарко, нужно только следить за носом и щеками и почаще их растирать, чтобы не отморозить. Зато ночью приходится надевать на себя кухлянку и унты, и все время жаться поближе к огню.

Длинна якутская ночь. В три часа дня уже темно и до половины восьмого ночь, т. е. 17½ часов. Поэтому беглецы встают и завтракают еще затемно, а чуть начинает светать, уже дви-

таются в путь. Среди дня делают короткую остановку на обед, съедают по куску заранее поджаренного мяса с куском лепешки. В пути они держат еду под ватником на груди, иначе все превратилось бы в куски льда.

Однообразно протекают дни. Идут уже больше месяца. Наконец — Тыркандинский перевал. Набрели на охотничий шалаш. Он хорошо сохранился. Посредине сложена из валунов таежная печь, в которой можно печь хлеба. Устройство ее несложное: на под положен большой плоский валун, по бокам, из валунов же, сложены стены в метр высоты, сверху печь закрывает тоже плоский валун. Наложили наши беглецы полную печь сушняка, разожгли, и дым повалил из всех щелей, подымаясь вверх в проделанное отверстие. Тем временем охотник замесил тесто и приготовил три хлеба. Выгребли уголь, позатыкали все щели мхом и посадили хлеба в печь. Через час они были готовы; выпечены не хуже, чем в домашней печи. Впервые, больше чем за месяц, ели настоящий хлеб, а не лепешки.

Решили сделать основательный роздых на целую неделю. Нужно и самим помыться, и белье выстирать, и заняться починкой обуви и одежды.

Закипела работа. Гришка с якутом начали мастерить корыто. Сбили раму, натянули на нее шкуру оленя, смастерили подставку, — и корыто готово, можно и белье в нем выстирать, и самим как следует помыться. Трое пошли поохотиться. Недолго они и ходили, скоро приволокли довольно большого оленя и пару огромных глухарей. В шалаше — настоящая баня. Гришка с якутом уже помылись и во всех манерах грели воду для остальных. Какое на-

слаждение — смыть с себя полуторамесячную грязь горячей водой! Пока все мылись, якут поджаривал на вертеле мясо для всех. Уже стемнело, когда, наконец, все уселись за свой поздний обед-ужин. Только тот, кто испытал длительное путешествие по тайге, может понять радостное настроение беглецов, имеющих возможность, помывшись, сидеть в тепле под кровлей. Все чувствовали себя почти по домашнему.

На другой день все принялись за свои работы: починку одежды, обуви, стирку белья. Подсчитали остаток продуктов, и выяснилось, что мука и соль кончаются, да и лимонная кислота на исходе, а без нее беда, она — единственное средство от цинги, которой так подвержены жители Якутии из-за отсутствия свежих овощей. Надо было подумать, как пополнить запасы, прежде, чем окончательно оторваться от населенных мест.

Охотник с якутом бывали в этих местах. Здесь недалеко есть Тыркандинская база, куда они не раз сдавали пушнину в обмен на продукты. Людей на базе немного — всего четыре человека. Посоветовавшись, решили: задержаться в шалаше и заняться охотой: набить пушнины и попробовать сдать ее в обмен мирным путем. Если же, паче чаяния, о них уже известно на базе, тогда с оружием в руках взять то, что нужно.

На другой день в шалаше остался один Сергей, а остальные, по двое, отправились на охоту. Целую неделю рыскали охотники, но зато вернулись с хорошей добычей: пять чернобурок и три шкурки горноста. На эти меха можно выменять все, что необходимо.

Передохнули после охоты пару деньков и отправились по направлению к Тыркандинской базе. Решили так: охотник и якут с мехами

пойдут на базу, а остальные останутся по близости в тайге, затаившись в кустарниках. Если на базе будет неблагополучно, охотник должен дать выстрел, и тогда все остальные двинутся на выручку.

Так и сделали. Но неожиданно события развернулись совершенно иначе. Только охотник с якутом вышли на лыжах по направлению к видневшейся базе, как вдруг увидели, что из тайги вылетели на лыжах четверо гепеушников в буденовках и развернулись веером, чтобы окружить их. Охотник с якутом быстро повернули назад к тайге, а гепеушники открыли по ним стрельбу. Но оставшиеся в засаде товарищи не дремали. Тщательно прицелившись, они, на выбор, сразу уложили троих, а четвертого, изменившего направление и помчавшегося к базе, свалил меткой пулей якут.

Беглецы соединились вместе и подошли на лыжах к лежащим чекистам. Трое из них оказались убитыми наповал, а четвертый был ранен в грудь, но видно было, что и он не жилец на белом свете.

Посоветовались и решили немедленно идти на базу. Приблизившись к ней, они увидели на крыльце заведующего и сторожа с перепуганными лицами. Охотник и Корней поднялись на крыльцо и заглянули в магазин, а остальные пошли в жилой дом проверить, нет ли там еще чекистов. Но никого, кроме кладовщика и рабочего, в доме не оказалось.

Охотник стал расспрашивать заведующего, и тот рассказал следующее: вот уже три недели, как на базу приехало четыре гепеушника; они допрашивали всех, не заходили ли на базу незнакомые люди, и показывали одиннадцать фотоснимков. Среди этих снимков был снимок охотника, которого заведующий базой знал и раньше, остальных он не знает. Все время ге-

пеушники выезжали на три-четыре дня в тайгу и возвращались обратно. Сегодня они возвращались после пятидневного отсутствия, и вот, наскочили на беглецов.

Выслушав заведующего, Гришка с двумя рабочими на санях поехали к месту сражения. Привезли они оттуда уже четыре трупа, так как раненный умер. Корней с охотником осмотрели вещевые сумки чекистов и в одной из них нашли фотографии, среди которых были снимки и их четверки; снимка Сергея не было. Значит, из восьмидесяти освободившихся заключенных удалось скрыться только одиннадцати.

Покончив с этим, охотник сказал заведующему, что они направлялись к нему с мирными целями — обменять пушнину на продукты, и выложил на прилавок меха. Заведующий взял ценник и, оценив все меха, предложил выбирать что нужно из товаров.

По всему было видно, что заведующий больше симпатизировал беглецам, чем представителям власти. Он выложил столько продуктов, что они не в состоянии были их все забрать. Тогда он достал новые большие хорошие мешки-рюкзаки, приторочив к каждому по литровой фляге спирта.

В разговоре он упомянул, что с прииска Тырканда сюда приходят обозы — раз в три недели. Сейчас он ждет обоз на следующей неделе. Прииск Тырканда имеет связь с Якутском.

Корней понял, что если заведующий базой сразу же после ухода беглецов отправит на прииск посыльных, а оттуда немедленно передадут по радио в Якутск о происшествии, то и в таком случае раньше, чем через месяц отряд не придет. Ну, а за этот месяц они уж будут далеко.

В разговоре они как бы случайно упомянули, что пробираются на Колыму, хотя на са-

мом деле их путь к Охотскому морю шел в обратном направлении.

Приладив хорошенько новые заплечные мешки и распрощавшись с симпатичным заведующим, отправились в дальнейший путь. Хотя дорога уже улеглась, но идти было тяжело. Плотные набитые рюкзаки основательно оттягивали плечи. Но зато теперь путники были надолго обеспечены всем необходимым; хватит до самого Охотского моря. Шли не спеша. Хотя морозы и держались все время на уровне 30 градусов, но при полном безветрии, ходьба на лыжах доставляла даже удовольствие. Разыгрывался волчий аппетит, и останавливаясь на ночлег, путники съедали чудовищные порции мяса, благо недостатка в нем не было. Теперь они шли по вековой тайге, на тысячи километров — ни одного человеческого жилья.

Не раз Корней вспоминал свою Галю. Дежурит он у костра после полуночи и думает: «Что-то с Галей? Жива ли, умерла ли? А если жива, то какова ее судьба? Правда, отец ее всю жизнь был батраком, так что с социальным происхождением у нее благополучно. Надо бы ей подать заявление по начальству и напечатать в газетах, что она, мол, отрекается от своего мужа-вредителя и всю свою жизнь посвящает борьбе с врагами народа. Такие заявления советская власть принимает довольно охотно. Хватит ли у Гали решимости сделать это? Поймет ли она, что при такой власти нужно научиться непрерывно лгать, чтобы спасти свою жизнь...»

С ним-то самим вопрос покончен, если его поймают—расстреляют! А если нынешний путь он пройдет благополучно... он покинет родину. Навсегда? Нет! В душе живет крепкая надежда. Терпение народа имеет предел. Не один раз народ восставал против насилия и несправед-

ливости. Да и в семнадцатом году народ освободился. Правда, вырвали у народа обретенную волю наглым беззастенчивым обманом. Какая насмешка: «фабрики — рабочим, земля — крестьянам». Вот тебе и «земля крестьянам» помазали по губам, а потом — в ссылку! И кого же оторвали от земли? Настоящих землепашцев-хозяев. Эх, земля-землица! Ее, матушку, надо любить всем нутром, щедро, но умело и с рассудком отдавать ей свой труд, — тогда и она отдаст свои богатства.

Такие мысли одолевали Корнея не раз, и он знает, что не один он так думает, а вся многомиллионная народная толща, и настанет время, когда эти мысли прорвутся наружу и станут действием. Тогда уж никакой силой народ не удушишь.

Иногда беглецов застигал снегопад и им приходилось отсиживаться по два-три дня в наскоро сделанных шалашах. По приметам якута, большой снегопад должен быть сразу после Зимнего Николая (6 декабря по старому стилю). Поэтому охотник предложил «поднажать», чтобы к этому сроку добраться до Пепеляевского зимовья. Людей там нет, зато есть убежище, в котором можно хорошо отсидеться. Кстати, пора запастись ценной пушниной, она нужна как валюта. За нее они смогут на японских концессиях достать любые документы. Там есть специалисты на такие дела. Да и для того, чтобы попасть на пароход, идущий в Японию, тоже нужно хорошо уплатить. Поэтому беглецы идут уже не в развалку, а как следует нажимают, делая в день не менее шестидесяти километров.

ПЕПЕЛЯЕВСКОЕ ЗИМОВЬЕ

Четвертого декабря добрались до довольно хорошо сохранившейся большой рубленой избы. Возле нее — небольшой бугорок могилки и на ней деревянный крест. Подойдя к могилке, охотник снял шапку и глубоко задумался. Все остальные, хотя и не знали в чем дело, тоже обнажили головы.

«Я вам потом расскажу, что было в этом зимовье — сказал охотник, — а пока давайте устраиваться пофундаментальнее».

Вошли в избу. Вдоль стен тянутся удобные широкие нары. Посредине сложена настоящая печь. По всему было видно, что в избе давно никто не живет. Начали приводить ее в жилой вид. Натащили сушняка, растопили печь, поправили на окне пузырь вместо стекла. Вечером, после сытного ужина, когда беглецы сидели и пили чай из брусники, а в печи пылал яркий огонь, охотник рассказал о прошлом этого зимовья.

«Последний раз я был в этой избе в 1928 году. Отсюда до Охотского моря не так уж далеко, всего четыреста километров. Для нас это совсем близко: мы все здоровы, хорошо вооружены, имеем запас всего необходимого. А вот тогда — обстановка была куда сложнее. Я тогда, как и сейчас, занимался охотой, построил себе в тайге избушку и жил бобылем. В конце 1927 года на мою избушку набрел небольшой отряд в 50 человек. Это был последний осколок когда-то большого Пепеляевского отряда. Командиром этого отряда был капитан Дени-

сов; а его помощником вахмистр Голубенко. Эти люди с боем оставили Якутск, который заняли большевики.

«Почти без боеприпасов, без снаряжения, шли пепеляевцы глухою тайгою, держа направление на Верхоянск, где вообще никакой власти не было.

Пробыли они у меня целую неделю. Народ хоть физически и истомленный, но духом бодрый. Я очень хорошо сошелся с ними, потом они пошли на Верхоянск и летом я навестил их. Все они — бывшие крестьяне и уральские казаки, пошли против большевиков по убеждению и прекрасно понимали, что с наступлением зимней дороги, в Верхоянск нагрянет карательная экспедиция, и тогда им всем конец.

«Эти предположения скоро подтвердились. В начале ноября ко мне зашел приятель-якут и сообщил, что в Якутске еще с лета готовится экспедиция на Верхоянск, во главе которой стоит чекист Доля. На следующий день я отправился на лыжах в Верхоянск к Денисову. Посоветовавшись со мной, он решил пробраться с отрядом к Охотскому морю и просил меня быть у них проводником. Я согласился.

«Закипела работа. Надо заготовить продукты, одежду, оленей и главное — боеприпасы, а с ними-то и было катастрофически туго. 500 патронов и фунтов двадцать пороху на весь путь в полторы тысячи километров. Никаких запасов в Верхоянске не было. Через неделю мы вышли в путь с тем, что было. Обоз был всего в 100 нарт. Вышли как раз на Николин день. Многие жители города хотели присоединиться к нам, но Денисов категорически отказался взять их, не желая обременять отряд, который и без того выходил совершенно необеспеченным.

«И вот начался пугь на Голгофу. Зима была лютая: как стали морозы в 60-65 градусов, так и не спускались ниже. Уж на что я привычный к морозам, а и то дышать было нечем. С трудом прошли в первый день тридцать километров, а потом пошло и того хуже: двадцать, пятнадцать... Олени не находили мху и приходилось их прирезать. Среди людей появились обмороженные. За три недели прошли всего 250 клм., а тут новая беда, сразу несколько человек свалилось в тифу. Когда подошли вот к этому месту, было уже 11 тифозных.

Решили сделать продолжительный привал, построить избу и дать возможность больным и обмороженным оправиться. Надеялись, что в такие морозы и погоня не пойдет. За три дня кончили постройку и, наконец, отогрелись в тепле. Двое больных, однако, умерли. Капитан Денисов тоже свалился. Голубенко ходил за ним, как за родным сыном. Лекарств, конечно, не было никаких — компрессы да чай из шиповника — вот и все лечение.

«К концу января морозы смягчились до 20 градусов. Тут бы идти дальше, но оленей осталось всего 20 штук, а половина людей лежит в тифу. На место выздоравливающих сваливаются с ног новые.

О Сретеньи набрели на нашу избу два якута и рассказали, что в семидесяти километрах от нас они обошли большой обоз военных,двигающихся в нашу сторону.

У нас на ногах 19 солдат. остальные не годятся к бою. Денисов, шатаясь от слабости, встал с постели и вместе со мною и Голубенко вышел из избы — установить точки защиты. В этот день делили патроны, оттачивали штыки, собираясь подороже продать свою жизнь. Денисов и Голубенко стали меня уговаривать по-

пытаться спастись одному, чтобы хоть о смерти остальных сообщить родным. Наконец я согласился, но с тем условием, что возьму с собой еще двух солдат, и мы, обойдя обоз на лыжах, постараемся привлечь на себя внимание и направить вражеский отряд по ложному следу.

Утром я с двумя солдатами вышел навстречу обозу. На второй день показались головные. Укрывшись за кустарниками, мы открыли стрельбу. В обозе поднялся переполох. Все красноармейцы послетали с нарт, олени упряжки спутались. Мы на лыжах вылетели к голове обоза. Вскоре они опомнились, раздались выстрелы, заработал пулемет. Один из моих спутников попал под пулеметную очередь и свалился. Я с другим бросился в сторону, чтобы привлечь на себя внимание, но тут и второй мой товарищ упал, ему попала пуля в висок. Оглянувшись, я увидел, что за мной идет погоня человек двадцать, на лыжах. Меня эта погоня волновала мало, в лыжном беге я не встречал еще равного себе, и постарался заманить их на другую дорогу, но в скорости перестал их слышать.

К несчастью, пошел густой снег, значит мои следы заметет, и погоня двинется по старому пути...

Я набрел на сопку, в которой была большая щель, вроде пещеры, и заполз туда переждать снегопад. Выбрался я оттуда только на четвертый день и решил узнать, что случилось в избе.

Два дня путался, пока добрался туда. Дыма не видно. Тишина. Дверь настезь. Снимаю лыжи, вхожу. На полу, на нарах кучи трупов. От стены к стене протянуты какие-то веревки... присмотрелся, а это кишки. Вот труп Денисова.

В лоб забит гвоздь, на плечах по два. У Голубенко тоже гвоздь во лбу, а на ногах вырезаны из кожи лампасы...

Похоронить всех я не мог. Развел на дворе большой костер и сжег трупы. Как обо всем случившемся узнали якуты, не знаю, но они с тех пор зовут эту избу, «Пепеляевским зимовьем». Вот, пожалуй, и все...»

С ужасом слушали беглецы еще одну страницу человеческих страданий. Невольно вглядывались они в сумрак углов, как будто хотели различить тени погибших здесь героев...

Отдохнув несколько дней, наши беглецы занялись охотой, которая оказалась очень удачной. Дичина здесь была непуганной, и удалось добыть много ценной пушнины.

По прибытии на концессию, их охотно приняли на работу, так как в рабочей силе была большая нужда.

Сразу идти всем на рыбные промыслы — побоялись. Решили послать на разведку сначала одного и попытаться достать нужные паспорта. Вызвался идти Владимир, который прекрасно говорил и по якутски и по корейски. Забрав с собою часть мехов, он отправился на концессию, до которой было еще более ста пятидесяти километров.

Лыжная дорога была хорошая и он к концу третьего дня уже добрался до рыбных промыслов... Это был не особенно большой поселок, расположенный на берегу Охотского моря.

Возле одной из избушек, он встретился с корейцем — по виду, и заговорил с ним. Тот оказался действительно корейцем и пригласил его зайти в избу. Владимир вытащил из сетки большого глухаря и передал его корейцу. Тот его быстро зажарил, добавил от себя миску с

жаренной рыбой и кетовой икрой. Перед едой Владимир плеснул из своей баклажки немного спирту, и знакомство быстро завязалось.

Кореец рассказал, что на промысле работает более двухсот человек. Все почти разной национальности. Есть, между прочим, и очень крепкая артель словаков. Как они сюда попали он не знает. А вот люди они хорошие и живут между собою и с другими очень дружно. Сейчас на промысле работы мало, а вот через два месяца придут из Японии пароходы, вот тогда работы хоть отбавляй, людей не хватает.

Переночевав у гостеприимного корейца, Владимир на следующий день отправился к словакам. Там знакомство завязалось еще легче. Хозяева оказались уроженцами Прикарпатской Руси и обрадовались Владимиру как родному. Он заговорил с ними по украински и этим сразу же расположил к себе.

«Вот уж сколько времени живем здесь, а кроме своих ни от кого не слышали почти что родной речи. А тут появился земляк».

Владимир для осторожности пока ничего не сказал о своих товарищах, ограничившись тем, что сообщил что он охотник. Забрался в поисках лучшей пушнины до этих мест. Скоро весна, домой возвращаться далеко. Вот он и решил перебыть лето здесь на промыслах, подработать деньжонок, а главное приобрести здесь японский карабин, который очень хорош на крупного зверя.

Хозяева охотно предложили ему приписаться к ним в артель, ему будет легче работать со своими людьми. Владимир конечно же согласился. Прожил он несколько дней со словаками, стараясь присмотреться к ним, получше разузнать, что они за люди. Пришел к заключению, что таким людям можно довериться. И однажды вечером откровенно рассказал старо-

сте артели, что их пять беглецов. Все они бегут из под власти советов. Уж слишком там всюду царят гнет, бесправие, произвол верхушки и беспросветная нужда. Где бы и как бы тяжело не было, все же они убеждены, что хуже, чем под советами, быть не может.

«Вот только беда с документами. С советскими — не хотелось бы сюда являться. Да и не у всех из нас они есть. Нельзя ли здесь раздобыть надежные паспорта», обратился он с вопросом к старосте.

Староста все время сочувственно слушал Владимира. «На счет паспортов, сделаем все как нельзя лучше. У нас у всех есть старые паспорта из Чехословакии. А здесь на концессиях работает один китаец-гравер. Он делает такие штампы и печати, что не отличишь от настоящих. Подделает он вам чехословацкие паспорта, и сделаетесь вы все словаками. Человек он верный, но, конечно, ему придется хорошо заплатить. Ну да это то я сделаю сам, а вы потом заработаете и отдадите».

Владимир поспешил сказать, что для этой цели они заготовили меха чернобурок и горносталя.

«Ну тогда еще лучше. Китайцы на золото и пушнину здорово падки. Ну так значит завтра я обо всем переговорю с китайцем и все будет в порядке», закончил староста.

В тот же вечер, староста совместно с Владимиром придумали для всех беглецов новые имена и фамилии, а на утро староста пошел к китайцу. К обеду он вернулся и сообщил, что китаец берется все сделать, и через неделю можно будет получить новые паспорта.

За эту неделю Владимир присматривался к жизни промысла. Радости здесь было тоже мало. Но ведь это переходное, основная мечта

пробраться в Японию: Получив паспорта и рассчитавшись за них, Владимир вернулся к ожидавшим его с нетерпением товарищам.

Рассказал он им, как все хорошо устроилось, вручил каждому новый его паспорт, и через неделю все отправились в свой последний таежный путь. Идут они не спеша, ведь все равно придется вероятно болтаться на промыслах без дела до прихода пароходов.

Настроение у всех двойственное—и печальное и радостное. Ведь приходится покидать родину, то ли надолго, то ли навсегда. Тяжело Корнею, все время он думает о Гале, ему кажется, что он не имеет права покидать ее. Но эти грустные мысли—отгоняет суровая действительность. Ведь и оставаясь на родине, ему все равно уж никогда не увидеть Галю. Ведь рано или поздно его поймают и тогда — расстрел.

А так, пока он будет жив, не все потеряно в жизни.

У его спутников очевидно бродят такие же мысли тоски по покидаемой родине.

«Эх братцы! И заживем же мы у япошек! А ни тебе НКВД, а ни колхозов. Буду работать в три пота, заработаю деньгу и буду сам себе хозяин. Не жизнь, а масляница», мечтательно высказал свои мысли Гришка.

Своим восклицанием он нарушил общее молчание. Заговорили тут все о работе на промыслах, в Японии. Молчал только якут. Он последнее время был вообще молчалив.

На второй день пути, когда остановились на ночлег, якут заговорил: «Я родился и всю свою жизнь провел в тайге. Якутские люди, кто ушел из тайги, все скоро умирают. А я хочу умереть в тайге. Я провожу вас до промыслов, а потом вернусь в тайгу. Буду жить подальше от жилых мест—одиночкой. Может, когда встречу такого же одиночку, будем коротать свою

жизнь тогда вместе. Мне тяжело оставлять вас. Я таких людей как вы— не встречал, да и наверное не встречу. Тяжело мне с вами расставаться, но... тайга меня не пускает. Тайга зовет обратно». Якут взволнованно замолк.

На спутников якута, его заявление подействовало тяжело. И человек он хороший, и товарищ прекрасный, и вот теперь он оставляет их...

«Не удивляйтесь и не сердитесь на Павла», заговорил Владимир. «Я не родился в тайге, и прожил в ней всего пятнадцать лет. Но я крепко подумал пока решил покинуть тайгу и идти с вами. И не потому, что меня страшит неизвестность—нет. Тайга цепко держит. Поэтому я прекрасно понимаю Павла. Да правду надо сказать и другое. Якуты, сжившиеся с полярным климатом, быстро хиреют в другой обстановке, и через год-два умирают в большинстве от туберкулеза. Поэтому, как нам ни тяжело терять хорошего товарища, я думаю мы все чистосердечно пожелаем Павлу счастливо прожить еще долгие годы в его родной тайге».

И Корней, и Гришка, и Сергей вспомнили о своей тоске по родине, и прекрасно поняли Павла, и от всей души пожелали ему счастливо избежать дальнейших встреч с НКВД.

Еще два дня пути и наши беглецы добрались до места своей цели. Словаки приняли их как своих. Староста артели, вместе с Владимиром, продали часть мехов и закупили для покидающего их Павла все то, что ему будет наиболее необходимо в его одиноких скитаниях по тайге.

Пробыл Павел со своими товарищами две недели, сердечно распростился с ними и расстался навсегда.

Оставшаяся четверка старалась говорить только по словацки, что для них было и не особенно трудно. Постепенно стали учиться и японскому языку. К словакам часто приходили японцы посидеть и поговорить. Наших беглецов удивляла исключительная деликатность гостей. Никогда они не допытывались, откуда и как добрались беглецы на промыслы. Их удовлетворило объяснение старосты артели, что пришельцы их земляки-словаки. Через тайгу их проводил якут, который сейчас вернулся обратно в тайгу.

Еще задолго до прихода первых японских пароходов, на промыслах закипели подготовительные работы и староста записал беглецов в свою артель. Ремесло же Гришки оказалось здесь как нельзя кстати, и он сразу же попал в механическую мастерскую, а остальные его товарищи, вместе с членами артели, занялись ремонтом сетей, бочек, баркасов.

Но вот начался и выход катеров и карбазов на рыбную ловлю. Беглецы быстро втянулись в общую работу и вскорости работали не хуже других членов артели.

Гришка же пошел быстро в гору. Он еще и дома хорошо знал моторы и скоро сделался здесь непререкаемым авторитетом по всем механизмам. А когда стали прибывать пароходы, его включили в ремонтную бригаду пароходов. Пароходные механики быстро оценили знания и сметку Гришки, и, в большинстве случаев, весь ремонт сваливали на него. В конце концов, он сделался просто незаменимым человеком. С командным составом пароходов, не говоря уже о матросах, у него установились прекрасные отношения. Этому не мало способствовал веселый, общительный характер Гришки.

Частенько к нему домой заглядывали механики с пароходов, особенно когда дознались

что у него можно выпить чарку настоящей «русской водки». Благодаря Гришке, сдружилась с его приятелями японцами и остальные беглецы.

Улов рыбы в этом году был сложный. Приходилось далеко выезжать катерами в море к мелким островкам, куда направился ход рыбы. Чтобы иметь хороший улов, приходилось катерам уходить на четыре-пять дней в море.

Не обошлось и без несчастья. Один из ушедших в море катеров, на котором был помощник пароходного механика вместе с пятью рыбаками-матросами, из очередного заезда на островки — не вернулся. Очевидно катер погиб во время неожиданно разыгравшегося шторма.

Но это несчастье принесло нашим беглецам удачу в намеченных ими планах. Гришку сразу же закрепили на пароходе помощником механика. А по его протекции и остальная тройка попала на пароход матросами.

В Я П О Н И И

Но вот наступил и конец рыбного сезона, и с последним пароходом наша четверка отплыла в Японию. Еще до отплытия парохода, они обдарили администрацию парохода заготовленными мехами и отношение к ним на пароходе было прекрасное. Да и к работе они относились вполне добросовестно. Капитан их парохода обещал помочь им с устройством их в Японии. И на промыслах и на пароходе они усиленно занимались изучением японского языка и уже понемногу могли объясняться по японски.

На второй день пути налетел тайфун. Их пароход, как игрушку, швыряло по воле шквала. Несмотря на почти обезьянью ловкость японцев, все же двоих смыло волной с палубы. На-

ши беглецы стойко переносили все ужасы разыгравшейся стихии. Лишь на пятый день успокоилось море, и сильно потрепанный пароход выправил свой курс, держа направление на японские острова.

Но вот, наконец, и желанная Япония. Все здесь ново, необычно: и люди, и дома, и быт. Жизнь идет напряженным темпом. Много фабрик и заводов, которые работают круглые сутки. И несмотря на это получить работу очень трудно. И лишь только благодаря связям капитана их парохода, беглецам удалось устроиться на фабрику, вырабатывающую металлические изделия. Как и на промыслах, Гришка и здесь очутился в привилегированном положении. Благодаря помощи того же капитана парохода, их довольно легко прописали, как временных жителей, работающих на рыбных концессиях.

Постепенно жизнь у них наладилась. хотя здесь для них было абсолютно все чужим. Но больше всех тосковал Владимир. Его одолевала тоска по тайге. В один из особо тоскливых вечеров, он рассказал свое прошлое.

«Отец мой земский врач-идеалист, бессребренник. Благодаря этому мать с трудом сводила концы с концами. Нас детей в семье было двое. Старшей сестре было двадцать лет, а мне двенадцать, когда отец, работая на эпидемии заболел тифом, заразил и мать, и они умерли почти в один день. Сестра в это время была студенткой Харьковского университета, а я учеником третьего класса реального училища. Земство выдавало на нас по пятнадцати рублей в месяц стипендии. Материально было тяжело, но я все же дотянул до четвертого курса горного института. Увлекался я тогда революционными идеями. Благодаря провокации одного из товарищей, весь подпольный наш кружок был арестован. По суду я получил пять лет ссылки в

Сибири в Киренский уезд. Маленькая глухая деревушка Марьевка, всего в тридцать хат, стала моим местожительством. Как ссыльный, я получал государственное пособие в четыре рубля в месяц. Но мне помогала сестра. Деревушка была богатая. Попал я на квартиру к заядлому охотнику. Местное начальство - деревенский староста, меня не беспокоило. Раз в месяц я являлся в деревенскую расправу, получал свои четыре рубля, и на том кончалась моя связь с начальством. Увлёкся я охотой, и на деньги, присланные сестрой, купил через своего квартирохозяина ружье-централку. Сначала ходил на охоту с хозяином, а когда узнал поближе тайгу, стал ходить и сам на две-три недели. Из своих охотничьих трофеев, я подарил великолепную шкуру большого черного медведя старосте, и он на мои длительные отлучки, да еще с ружьем, смотрел сквозь пальцы. Соорудил я себе в глухой тайге избушечку, в которой я проводил больше времени, чем в деревне. Уж больно хорошо жить среди природы, куда лучше, чем среди людей.

Так я прожил четыре года. До конца ссылки оставался всего год. А тут грянула революция 1917 года. Всем политическим сразу же амнистия. Почти все поспешили отправиться по своим домам. А у меня и дома то нету. Поехал я в Киренск оформить свое легальное положение. Там меня, как бывшего политического ссыльного, сразу же втянули в работу по организации новой власти. Не успел я оглянуться, как очутился во главе уездной власти.

Неразбериха — страшная. А потом полетело временное правительство, у власти стали большевики. Исчез фронт империалистический, но началась более страшная — братоубийствен-

ная война. Юденич, Корнилов, Деникин, Врангель, Колчак и безконечное количество партизан, а то и просто банд.

Но схлынуло и это, и новая власть заговорила новым языком. Прежние прекрасные лозунги «Земля крестьянам, фабрики и заводы рабочим», пошли на смарку. Началась безпримерная эксплуатация крестьян и рабочих. Разжигание жуткой ненависти одних слоев населения к другим. Дореволюционные политические деятели «не большевики» вдруг оказались врагами народа. Чрезвычайка без суда расстреливала сотни тысяч людей.

Присмотрелся я ко всему этому и решил, что мне с этой властью не по дороге. Мы, старые революционеры, мечтали построить новую жизнь на принципах всеобщей любви и братства. А здесь наоборот культивируется ненависть не только одного слоя к другому, но и самое страшное—в семье. Дети не признают авторитета родителей, в них воспитывается шпионство за родителями. Все авторитеты науки, учителей подорваны. И вот из таких детей должны выйти сознательные граждане. Да ведь такое воспитание, убивая все идеалы прошлого, может создать только безобразное, безнравственное общество. А из членов такого общества может ли получиться здоровое крепкое народное правительство. Разрушив семью, тем самым большевики подписали для себя смертный приговор, и они рано-ли, поздно-ли, но погибнут и не только как власть, но и как идея социалистического строительства по прежним рецептам.

Политика большевиков убила все мои прежние убеждения. И я, используя свое прежнее положение, как председатель исполкома, достал для себя документы охотника. А на очередном пленуме исполкома отказался от работы ввиду

болезни, к радости большевиков, которые уже заранее приготовили заместителя члена партии большевиков.

С тех пор я стак настоящим охотником, это стало моей профессией.

Но, к сожалению, меня и тут не оставили в покое. Кто то из доброжелателей донес на меня, что я был проводником Пепеляевского отряда. Меня неожиданно арестовали, посадили в Алданскую тюрьму, где мы с вами и встретились. А потом и в бега пустились вместе представители трех групп: Корней — от крестьян, Гришка — от рабочих, а я — от интеллигенции. Как видно всем группам не сладко живется в социалистическом раю».

Владимир закончил повесть о своей жизни. У всех тяжелое чувство от безрадостной действительности в советском союзе.

Сравнивали они жизнь в Японии с жизнью в Советском Союзе. Жизнь здесь трудная, страна перенаселена. Живут все очень экономно, но законы для всех одинаково незыблемы. Авторитет семьи, науки, патриотизма на высоком уровне. Сильно развито стремление к культуре, к знанию. Внешне японцы всегда приветливы, но внутренне-замкнуты. В большом почете военная каста. Существуют и поныне целые роды «самураев», уходящие глубокими корнями в далекое прошлое.

К нашим пришельцам отношения японцев постепенно наладились. Видя их настойчивость в работе, честность, дружественные отношения к товарищам, японцы и сами стали относиться по приятельски к пришельцам.

Нередко к ним заходили их новые приятели-японцы. Как-то в разговоре Сергей упомянул, что он в недавнем прошлом студент по-

следнего курса медицинского института. Один из гостей сказал, что его брат тоже студент-медик, и обещал познакомить с ним Сергея.

Действительно, в один из ближайших праздничных дней он пришел вместе с братом. У Сергея сразу же завязалась беседа со студентом. Этому не мало способствовало то, что в японском университете медицинская терминология практикуется на латинском языке.

Это знакомство повлекло резкий перелом в судьбе Сергея. У него появился новый круг знакомых среди студентов. А через полгода, благодаря студенческой организации, Сергея зачислили штатным служителем клинической анатомии. Там на него обратили внимание, как на знатока анатомии, и Сергея зачислили студентом медиком.

Он с головой окунулся в любимые занятия. Ему повезло и вне родины работать по своему призванию. Работать ему приходилось зверски. Первый год учебы был особенно тяжелым, вследствие слабого знания японского языка. Но второй год пошел уже почти нормально. Он с трудом урывал время, чтобы навестить своих друзей. Но жизнь то пошла у них уже разными руслами. Оставшаяся тройка, искренно радовалась удаче Сергея, но самим то им было тяжело в Японии. Их тянуло куда-то в новые места.

В МАНЬЧЖУРИИ

Так прошло два года с лишним. За это время они не раз встречались со своим бывшим капитаном парохода, помня его помощь. Не раз они жаловались, что им здесь тяжело. Как то в одно из очередных свиданий, капитан сообщил им, что сейчас формируется экспедиционный корпус для отправки в Маньчжурию.

А так как все трое хорошо знают тайгу, он думает, что ему удастся устроить их в этот корпус. Беглецы с радостью согласились,

Уже через полтора месяца они в японском обмундировании выгружались с парохода в Маньчжурии. Причислили их в команду разведчиков. Командир разведки Хиро-Хито, хотя и с сильным акцентом, но свободно говорил по русски. Цели экспедиционного корпуса держались в тайне. Но вот однажды, Хиро-Хито вызвал всех троих к себе и сообщил им под большим секретом, что Япония вместе со своими союзниками, решили освободить советский народ от большевиков. Он передал им задание пробраться через советскую границу в гражданских костюмах и разведать у мирного населения о количестве и роде оружия войск, находящихся вблизи границы.

Всколыхнулись светлые надежды у наших беглецов. Неужели уже наступило время вернуться в свою освобожденную от большевиков родину.

Несколько раз они ходили уж в разведку порознь. Встречи с русскими людьми все больше будили тоску по родине. Хотя они и узнали, что за время отсутствия жить стало не только лучше, а значительно хуже.

В это время экспедиционный корпус, мелкими группами подтягивался к советской границе...

И вот грянул бой у озера Хасан. Японцы заранее определили командные сопки и, в разгоравшихся боях, несли незначительные потери. Не то было с советскими войсками. Специальная директива Сталина требовала лобовой атаки, чтобы молниеносно разгромить японцев. Вследствие этого, убыль в войсках советов бы-

ли невероятно велика. Сюда перебрасывались уже не корпуса, а целые армии с танками, самолетами. Бои приобретали невероятное напряжение.

Г А Л Я Ж И В А

В один из особо жарких боевых дней, Владимир, с небольшой японской группой разведчиков, пробирался за линией советского фронта глухою тайгой. Неожиданно впереди послышалась русская речь и разведчики затаились. Вскоро по тропе показалась группа русских раненных. Часть из них лежали в носилках, прикрепленных к двум идущим гуськом лошадям. А часть шла пешком, это были очевидно легко раненные. Среди них шла и сестра милосердия.

Разведчики решили взять в плен легко раненных и сестру. И когда эта группа поровнялась с разведчиками, те неожиданно окружили их. Владимир по русски обратился к ним: «Не бойтесь. Вы теперь являетесь военнопленными. Никто ничего плохого вам не сделает. Если же будете сопротивляться, вас ждет неминуемая смерть».

К удивлению японцев, никто не высказал желания сопротивляться. Они забрали в плен пять ходячих, легко раненных и сестру, оставив на месте тяжело раненных с лошадьми, и быстро направились к расположению своих частей. К вечеру того же дня они уже были на месте.

Владимир, придя в палатку, где он помещался вместе с Гришкой и Корнеем, рассказал о приведенных военнопленных. Корней и Гришка загорелись желанием поговорить с земляками, и сразу же отправились к своему начальнику за разрешением поговорить с военнопленными русскими.

Тот охотно разрешил, но захотел и сам принять участие в предварительной беседе.

У небольшого костра сидела группка из пяти красноармейцев и сестры. Меняющиеся отблески костра, перебегая бликами по лицам пленных, не давали возможности хорошо разглядеть их.

Первым заговорил Гришка: «Здравствуйте, землячки, а нет ли тут кого среди вас с Полтавщины».

«Господи! Да ведь это Корней?», раздалось восклицание пленной сестры, и она повернулась лицом к подошедшим.

«Галя», воскликнул Корней и ринулся к ней. Схватил ее за руки и от волнения не может слова выговорить. Смотрят друг другу в глаза и не могут поверить неожиданной встрече.

Гришка объяснил недоумевающему офицеру, что пленная сестра—жена Корнея, которую он потерял вот уж больше трех лет.

Он нарушил оцепенение Корнея и Гали. «Корней! да хватит тебе смотреть. Дай ка и я поздоровкаюсь с землячкой, только по нашему, по христианскому. Ведь мы с Вами, Галя, вроде как из мертвых воскресли. Значит «Христос Воскресе!» Давайте почеломкаемся! И он с радостным лицом трижды поцеловался с Галей.

Оцепенение Корнея и Гали прошло. Начальник разведки, очевидно, понял переживаемые Корнеем и Галей чувства, и разрешил Гале выделиться из группы пленных. Они отошли чуть в сторонку и начали рассказывать о своих злоключениях. Первым рассказал Корней кратко обо всем, что с ним произошло.

А вот что рассказала о себе Галя.

«Как принесли меня на ст. Ново-Сибирск в стационарный приемный покой, доктор сразу говорит: нужно немедленно сделать операцию, иначе она кровью изойдет». Отвезли меня в

городскую поликлинику. А там в это время главного врача нет, а дежурный врач без него боится делать операцию. Лежу я почти в безпамятстве. Но на вечерний прием пришел и главный врач. Посмотрел на меня, и сразу же в операционную. Очнулась я в палате уже ночью. Слабость такая, что и руку трудно поднять. Утром главный врач распорядился опять меня в операционную. Осмотрел меня, сделал какие то уколы. И вот, скажи на милость, есть же еще на свете добрые люди. Стал он ходить за мною, как за своей родной. Уколы, переливание крови, усиленное специальное питание, и таки выходил меня. Стала я поправляться. А у меня все мысли о тебе. Где ты? Что с тобою?

Один раз главный врач стал подробно расспрашивать меня, кто я, откуда. Я ему все рассказала как на духу и стала просить его, чтобы он разузнал о тебе. Задумался он, а потом говорит: «Трудно чтонибудь узнать в НКВД. Ну да не кручинься. Попробуем, может не так скоро, я думаю дознаемся о твоём муженьке!»

Ну, мне там в поликлинике сам Бог помог. Палатная сиделка-старушка, хорошая женщина. Видит, что я все тоскую, подойдет ко мне, разговорит меня. Стала я и с постели вставать. Выведет она меня на воздух, я сяду на скамеечке да и радуюсь на ласковое августовское солнышко. Вот так и сижу один раз, подходит ко мне главный врач. «Ну, Галя, узнал я про твоего муженька. Как погнали их этап со станции Большой Невер на лагерь «Бушуйка», он со своим приятелем Гришкой бежал с дороги. Четырех конвоиров они убили. А где сейчас — неизвестно. Так вот ты теперь сама должна подумать о своей судьбе. Держать тебя долго в госпитале я не смогу. А там отправят тебя в лагерь, как жену врага советской власти, там ты совсем пропадешь. Так вот пока ты в

поликлинике, подай заявление, что ты отрекаешься от мужа вредителя. Тебя, вероятно, помилуют. Тогда я помогу тебе устроиться здесь же в поликлинике санитаркой. Ты хорошо грамотная, да и толковая. А там прослушаешь курсы сестер милосердия и дорога в жизни тебе будет открыта. Вот подумай на счет моего предложения, да долго не тяни. Не позже, как через неделю дай ответ, на чем ты решишь.

Ушел он. Осталась я одна со своими думами. Сколько я перемучилась за это время,— одному Богу известно. Решила послушать совета врача. Если буду свободна, Бог знает, быть может и тебе смогу быть полезной, если ты еще жив.

Главный врач взялся оформить мое заявление, и через полтора месяца я получила чистый паспорт на свою девичью фамилию. Осталась я при поликлинике санитаркой и стала усердно посещать курсы сестер милосердия. Много помогал мне в учебе главный врач, и через год я уже имела диплом сестры.

В день получения диплома, я вечером была в гостях у главного врача. Милые они с женой старики. В этот вечер они рассказали мне о своем горе. В 1928-м году, их единственная дочь, как две капли воды похожая на меня, покончила жизнь самоубийством. Оставила записку, что не видит просвета в нынешней ужасной жизни. Об этой записке, кроме родителей, теперь узнала и я. Тогда я поняла и причину особой заботливости главного врача обо мне. И как могла, старалась согреть их ласковой заботой.

Ну а потом начались бои на озере Хасан. Мобилизовали много медперсонала из ближайших мест. В число их попала и я. Как вилно это был перст Божий. Тут я неожиданно нашла тебя».

Пока они рассказывали друг другу о своей жизни, офицер уже закончил беседу с военнопленными и обратился к Корнею и Гришке: «Ну ребята! Военно-пленную сестру я оставляю под вашей ответственностью. Надеюсь, что вы не допустите ее до побега», с улыбкой закончил он и отправился в свою палатку.

Корней с Гришкой и Галей пошли в их общую палатку. Велико было изумление Владимира, когда Корней, войдя в палатку, обратился к нему: «Владимир! Познакомься с моей женой Галей, о которой я тебе не раз говорил».

Долго в эту ночь длилась общая беседа. Вспоминались все новые эпизоды из прошлого. Строились планы на будущее.

На утро вызвали Галю и остальных военнопленных на официальный допрос. В качестве переводчика пошел Владимир, Допрос длился довольно долго. Закончился он просьбой военнопленных не возвращать их обратно, а разрешить остаться в Маньчжурии.

Эта просьба очень удивила японское командование: «Что же это за родина, куда свои коренные жители не хотят возвращаться». Как трудно иностранцам понять наш ужас перед существующим в советском союзе режимом, заставляющим любой ценой вырваться из социалистического рая.

Но в ближайшие дни пришлось нашей четверке разочароваться и в японцах. Совершенно для них неожиданно, по распоряжению свыше, экспедиционный корпус быстро свернулся и оттянул свои силы в глубь Маньчжурии. «Значит все разговоры о свержении большевизма это только, действительно, разговоры. Очевидно, бои у озера Хасан это просто знакомство с современным состоянием военного дела у Советов»...

Всякое желание работать в японской военной машине — отпало. И наша группа решила демобилизоваться. А так как они были зачислены как добровольцы, и нужную роль свою сыграли — это не вызвало больших затруднений.

Наши скитальцы решили осесть в Маньчжурии. Здесь оказалась довольно большая группа русских, в то время как в Японии они за два года не встретили ни одного русского. Захотелось пожить среди своих.

Очень много помог им в житейском устройстве русский Карпович. Он устроил Корнея и Гришку на тот же завод, где он сам работал. Помог он и Владимиру с устройством на работу, но в другом месте. Благодаря ему же, скитальцам удалось нанять хотя и маленький, но отдельный домик, при котором были и садик и огородик. И наши скитальцы начали основательно обосновываться.

Карпович стал постоянным гостем новоселов. Часто он на перебой с Гришкой разносили Советскую власть. Неоднократно Карпович навел разговор на то, как новоселам удалось уйти из Советского Союза. Владимир за всех объяснил, что они работали на японских рыбных концессиях и потому попали в Японию. А как они попали на концессии, по какому то предчувствию — объяснения не дал.

Жизнь в Маньчжурии постепенно налаживалась. Гришка встретил среди русских свою землячку с Полтавщины и скоро женился на ней. Стало в доме две хозяйки. Жена Гришке попала хорошая и все они жили одной крепкой семьей. Только Владимир продолжал быть бобылем. Но отношения его товарищей к нему

были настолько хороши, что они всегда старались не дать ему почувствовать одиночества. Во всех деталях жизни, его втягивали принять участие.

Но вот наступили тревожные времена. Совершенно неожиданно из русской колонии исчезли два наиболее ярые ангикоммунисты. Несмотря на тщательные розыски, след их исчезновения не находился.

Вскорости после этого события, Галя поделилась с Владимиром своими тревогами: «Не знаю почему, но не доверяю я Карповичу. Ведь он так много сделал для нас хорошего, а вот инстинктивно чувствую в нем фальшивость... Боюсь я за Корнея и Гришку. Ведь они заманчивая для большевиков дичь. Боюсь как бы Гришка не разболтал Карповичу всего нашего прошлого».

Владимир внимательно и серьезно выслушал опасения Гали. «К сожалению, Ваши опасения, Галя, — небезосновательны. Гришка действительно разболтал все Карповичу. Но я уж с ним переговорил, и Гришка, оставаясь внешне таким же, держится сейчас на стороже. Вообще же, нам надо теперь все время держаться вместе. Избегать ночных хождений. Поговорите об этом же с Корнеем. Быть может, наши с Вами опасения и безосновательны, но лучше быть на чеку».

Время шло, но ничего подозрительного в поведении Карповича не замечалось. Гришка по случаю купил разбитый мотоцикл, и постепенно привел его в полную исправность. Теперь он с Корнеем ежедневно ездил и на работу и с работы — на мотоцикле, так как завод был расположен за четыре километра от города.

Однажды они задержались на работе по срочному заданию до часу ночи. Выехали с фабрики на мотоцикле, но не проехали и пяти

минут, как мотор зачмыхал и совершенно неожиданно остановился. До города было еще километра три. Решили идти пешком. Гришка недоумевал, что случилось с мотором, который он держал всегда в абсолютном порядке. Пошли. Но вот на их счастье со стороны фабрик показались зажженные фары, и их нагнал грузовик, в котором был Карпович, два заводских рабочих, а за рулем шофер. Грузовик остановился возле них, и Карпович предложил подвезти их до города. Корней и Гришка настояжились, но все же погрузили бездействующий мотоцикл и сами влезли в кузов.

Машина сразу же взяла бешенный ход, при чем шофер свернул на боковую дорогу. Гришка сразу же застучал в будку шофера, но в это время на него обрушился удар железной штангой. К счастью он пришелся не на голову, а на левое плечо. Как будто ожидавшие этого нападения, Корней с Гришкой набросились с кастетами на нападавших. Один из нападавших, очевидно тяжело раненный в голову кастетом Корнея, свалился с грузовика. А Карпович с другим рабочим оказались на дне кузова тоже оглушенные ударами кастетов в голову. Корней, разбив стекло кабинки шофера револьвером, крикнул: «Стой! Или получишь пулю в затылок». Тот очевидно испугался и застопорил машину. Гришка нанес и ему удар кастетом в голову. После этого сел в кабину и погнал грузовик в город. Там, подъехав к полиции, они сдали безчувственных Карповича с рабочим и шофером, предупредив, что на дороге остался лежать еще один из нападавших.

Нужно было поражаться выносливости Гришки. У него оказалось переломленное левое плечо, и несмотря на это, он еще сам нападал и одной рукой довел грузовик до города. Но

за то из полиции, Владимир на полицейской машине, сразу же отвез Гришку в больницу.

Энергичное расследование полиции открыло, что на фабрике, где работал Карпович, существовала тайная организация по изъятию наиболее активных антибольшевиков. Предыдущее исчезновение двух антибольшевиков—дело рук этой подпольной организации. К ним применили закон, как к шпионам, и дальнейшая их судьба уже решилась в секретном порядке.

Но это испытание для наших скитальцев было, очевидно, последним, жизнь их наконец то наладилась. Через некоторое время они все же перебрались в Южную Корею, где окончательно и осели на постоянное жительство.

К О Н Е Ц

О Г Л А В Л Е Н И Е :

	стр.
Предисловие	5
Побег	7
По реке	17
Снова в лапах ГПУ	24
Бунт в тюрьме	28
В тайге	37
Пепеляевское зимовье	47
В Японии	57
В Маньчжурии	62
Галя жива	64

Готовятся к печати того-же автора:

ЦЫГАНКА — повесть

ЖАЖДА ЖИЗНИ — повесть

ОТ МОСКВЫ до АЛДАНА —

путевые очерки

КИТАЙСКОЕ СЕРДЦЕ — рассказ

ПОБЕГ — рассказ

Tipografia
VENIAMIN V. SAPELKIN
Rua Dr. Cesario Motta Junior, 504,
São Paulo - Brasil